Убийство на улице Дюма

Автор:
Мэри Лу Лонгворт

Убийство на улице Дюма

Мэри Лу Лонгворт

Верлак и Бонне #2Чай, кофе и убийства

Одно из самых интересных дел Верлака и Бонне – дело об убийстве руководителя кафедры теологии местного университета Жоржа Мута. Мут собирался назвать имя своего преемника, которому предстояло получить высокую должность и апартаменты семнадцатого века. Но его заставили замолчать навсегда…

Конечно, у каждого человека есть враги. Однако Верлак и Бонне сомневаются, что мелкие интриги, без которых не обходится ни одно научное сообщество, могут стать мотивом для жестокого преступления. Они начинают собственное расследование и приходят к весьма неожиданному выводу…

Мэри Лу Лонгворт

Убийство на улице Дюма

Посвящается Кену и Еве

* * *

© Mary Lou Longworth, 2012

© Перевод. М. Б. Левин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1. В надежде произвести впечатление

Дружба между Янном Фалькерьо и Тьери Маршивом удивляла весь университет. Мало того, что они конкурировали за одну и ту же докторскую стипендию, так и вообще были совсем разными – и по внешнему виду, и по общественному положению. Янн – высок и белокур, отец – телевизионный продюсер в Париже, мать – дизайнер интерьеров, в разводе с отцом. Тьери – темноволос, низкоросл, коренаст, происхождения намного более скромного: отец – учитель французского в средней школе Марселя, а мать – по-прежнему живущая в браке с отцом – низкооплачиваемая диетсестра в больнице дю Норд.

Оба студента шли быстро и говорили громко, стараясь не делать пауз: каждый был младшим в семье с тремя детьми (хоть одна общая черта) и отлично знал, какие нужны усилия, чтобы тебя услышали.

– Пошевеливайся! – сказал Янн, оборачиваясь к другу на ходу. – Все самое вкусное съедят без нас.

– Что я могу поделать, если у меня нет твоих жирафьих костылей? – огрызнулся Тьери, пускаясь вприпрыжку, чтобы не отстать. – Мы успели бы выйти вовремя, если бы ты не стал брать трубку и не устроил длинный разговор с этой… как ее…

– Сюзанной, – медленно и отчетливо произнес Янн. – Сюзанной. – Ее так назвали в честь одноименной песни.

– Ну да… возлюбленная твоего детства. Ее отец – сельский доктор в Карнаке, где твоя буржуазная семья идиллически проводила каждое лето. – Тьери остановился, имитируя игру на гитаре, и вполне узнаваемо спародировал Леонарда Коэна:

And she feeds you tea and oranges

That come all the way from China…[1 - Она угостит тебя чаем и апельсинами, прибывшими прямо из Китая (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.]

Он поскользнулся на узком тротуаре, соскочил на проезжую часть.

– Перестань, кретин! – засмеялся Янн. – Ну да, идиллически и каждое лето, ты прав. Такая была идиллия, что родители мои развелись. Может, все это из-за августовских дождей – им приходилось вдвоем торчать в этом идеально обставленном пляжном домике.

Вот то, что Янну в Тьери нравилось: этот парень не узнал бы идеально спроектированный интерьер, даже если бы ткнулся в него лицом с размаху, а узнал бы – так ему было бы наплевать.

Он двинулся дальше, нахмурившись при мысли о матери и отце с их новыми парами, которые ему были совершенно безразличны.

Молодые люди подошли к резной деревянной двери в доме на площади Четырех дельфинов и нажали на кнопку звонка в полированной бронзовой табличке, где было написано «Профессор Мут». Дверь в ответ загудела, щелкнула и со стуком распахнулась. Тьери придержал ее для своего друга, сказав:

– Только после вас!

Он заметил, что Янн вдруг затих, как с ним часто бывало, когда вспоминались его родители – они развелись два года назад, – и Тьери подумал, что зря затронул эту тему.

Он представил себе, как семья Фалькерьо сидит в гостиной, меблированной слишком непрактично для летнего домика – скажем, с белой мебелью, – и молча смотрит на серые волны, набегающие на берег. И он попытался напомнить Янну о других вещах, более веселых:

– Ты всегда только о еде думаешь. Ну, еще и о Сюзанне, конечно.

Янн засмеялся и вошел в прохладный сырой вестибюль, предвкушая сегодняшний бесплатный ужин и встречу с Сюзанной на рождественских каникулах.

Лишний вес был для Тьери проблемой еще в школе, но тогда у него не было девушки. Первый его роман произошел уже на втором году учебы в университете, и это была та еще встреча. Улла оказалась студенткой по обмену из Швеции – даже Тьери, никогда не выезжавший из Франции, знал этот расхожий образ.

Поднимаясь по широкой каменной лестнице на третий этаж, где находилась квартира профессора Мута, он улыбнулся воспоминанию, но образ обнаженной Уллы в постели померк, когда он огляделся в особняке семнадцатого века. Его восхитил вестибюль, так непохожий на подъезд того дома, где он вырос, или того, где сейчас они с Янном снимали квартиру. Там выложенная красным кафелем лестница так узка, что кресло или даже велосипед по ней протащить – задача почти невыполнимая.

– Закуски чую, – заметил Янн, перепрыгивая через две ступеньки. – Тарталетки, пицца, наверняка поднос с нарезками и пара сырных тарелок, ручаюсь, сыр из супермаркета. Вот почему процветающие люди любят подавать дешевую еду? – Он обернулся к другу, очнувшемуся от мечтаний. – Ты слушаешь? Зуб даю, вино будет из пакетов.

– Нищие не выбирают, – ответил он. – А вообще-то я тонкий знаток дешевых вин.

Янн засмеялся и постучал в дверь. Обернувшись к другу-марсельцу, который еще отдувался после подъема, он быстро сказал:

– Обещаю, что когда получу хорошую работу – надеюсь, в ближайшем будущем, – никогда не стану покупать ни дешевое вино, ни сыр из супермаркета.

Тьери с деланой искренностью кивнул:

– Запомню.

При учительской зарплате отца Тьери вырос на сыре промышленного производства, но благодаря своему парижскому другу теперь знал вкус настоящего сыра и тоже надеялся, что когда-нибудь сможет покупать настоящую еду, и не только ее. Пасхальную неделю он провел в пентхаусе мсье Фалькерьо, выходящим окнами на Дом инвалидов, и это оказался один из светлейших периодов его двадцати четырех лет. Никогда он не был в стольких ресторанах, и в каждом отца и сына Фалькерьо провожали к лучшему столу, и с ними дружелюбно беседовали владельцы, официанты и повара. Мсье Фалькерьо восхитил Тьери тем, что при всей куче денег и знаменитых друзьях Янну выделили такой же скудный студенческий бюджет, как и его товарищам.

Дверь открыла высокая красивая женщина лет за сорок, с густыми черными волосами и большими карими глазами. Тьери обрадовался, увидев на ней черное платье с вырезом, в котором она ему нравилась больше всего – в нем было видно не только идеальную оливковую кожу, но и обильную грудь.

– Пат и Паташон, – сказала она, засмеявшись. – Быстренько заходите! – Она подмигнула. – Вы как раз вовремя, стол уже накрыт!

– Спасибо, профессор Леонетти! – произнесли они в унисон.

И Тьери, и Янн почитали ученость хозяина дома, профессора Жоржа Мута, но более ценили динамичные и с юмором лекции его более молодой коллеги, доктора Анни Леонетти. Однако последнее слово в назначении стипендии Дюма принадлежало доктору Муту, и потому они пришли сюда, отменив свое обычное пятничное занятие (охмурять американских девиц, шатающихся по пабам Экс-ан-Прованса), ради угождения своим преподавателям. У Тьери екнуло в груди, когда он увидел море голов, многие из них седые, но от того что доктор Леонетти тоже здесь, ему стало легче. Янн в большом скоплении народа чувствовал себя увереннее, и обычно Тьери смотрел на друга и старался следовать его примеру, но сегодня он дал себе слово быть более независимым.

Доктор Леонетти провела двоих студентов к хозяину и скрылась.

– Постарайся не таращиться на обстановку, – предупредил друга шепотом Янн. Тьери не остался в долгу:

– Если ты не будешь фальшиво поддакивать «разумеется», как всегда делаешь в разговоре с дуайеном.

– Профессор Мут, bonsoir![2 - Добрый вечер (фр.).]

Янн почтительно пожал руку пожилому седовласому джентльмену.

– Добрый вечер, доктор, – сказал Тьери, тоже пожимая хрупкую руку в пигментных старческих пятнах. – Спасибо вам за приглашение.

– Не за что, не за что, – отмахнулся доктор Мут. – Мои преподаватели так же обходились со мной, когда я был в вашем возрасте. Ну, и у вас была серьезная причина прийти, разве нет?

Он тихо засмеялся собственной шутке. Тьери слабо улыбнулся, зная, что рекомендации на стипендию Дюма дает профессор Мут. Янн же сразу решил, что ему все равно, о чем там думает Мут. Стипендия стала бы хорошим пропуском в программу МБА, поэтому он очень надеялся ее получить и не видел причин это скрывать.

– Ммм… разумеется, – ответил Янн, тоже усмехаясь и заставляя Тьери поднять глаза к потолку, где его взгляд остановился на ярких цветных фресках с мифологическими фигурами. Парящие над головой боги и богини, впечатанные в белую штукатурку, были окружены рамками, отлитыми в виде флоры и фауны – они называются gypseries, Янн точно помнил. Янн любил не только деньги, но и искусство, а еще при первой возможности делиться своими знаниями, – но он поверх плеча доктора Мута смотрел на длинный деревянный стол, уставленный подносами с едой. Тьери увидел, что предположения друга оправдались: нарезанная квадратиками пицца, круги сыра бри, хлеб и холодные нарезки. Но вино было в бутылках. Янн пробормотал извинение и бочком двинулся к столу, где доктор Леонетти наливала себе вино. Она смотрела на двоих приятелей, и в углах ее большого рта залегала улыбка – эти парни ей нравились, но она не могла взять в толк, зачем им теология. Было у нее чувство, что Янн Фалькерьо выбрал это направление, поскольку этот факультет лучше финансировался, а конкурс ниже, чем на историю, – по той простой причине, что студентов меньше. А ему бы, наверное, следовало изучать право или бизнес. У нее был друг, работающий на финансовую компанию в Лондоне, и он говорил, что сейчас они заманивают в мир акций и облигаций выпускников с факультетов истории и

теологии. А тот, что пониже, из Марселя, вообще казался ей загадкой. Она его сегодня спросит о планах на будущее, если сможет отвлечь его внимание от потолка.

– Не хотите? – спросила она Янна, поднимая бутылку.

Янн стоял уже совсем рядом с ней, склонив голову почти на девяносто градусов. Она проследила за его взглядом, забеспокоившись, не слишком ли декольтировано ее платье, – и поняла, что неудобная поза вызвана не нескромностью, а желанием прочесть этикетку на бутылке.

– Бандольское красное! – воскликнул он наконец. – Ну, что ж, спасибо! Профессор Мут превзошел сам себя!

Анни Леонетти улыбнулась:

– Его принесла я. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на плохое вино, не правда ли? Зовите сюда вашего соратника, я ему тоже налью.

Но Тьери уже оказался рядом – он увидел у Леонетти в руках бутылку и тут же прошмыгнул между преподавателями и аспирантами. Успел взять чей-то бокал (нет времени искать чистый, когда вино вот-вот кончится), и тут гул разговоров был перекрыт голосом профессора Мута:

– Нет, Бернар! Будет так, как я вам сказал сегодня у меня в кабинете. И мое решение окончательно!

Бернар Родье, мужчина средних лет, которого многие из коллег считали слишком красивым для теолога, резко повернулся и направился к двери. Анни Леонетти не могла взять в толк, что значит – слишком красивый? Это что же, преподаватель теологии должен быть безобразным? Конечно, на философском факультете были выдающиеся в этом смысле сотрудники, но юридический факультет это компенсировал несколькими очень приличными, если уж не очевидно красивыми, экземплярами. А где она сама на этой лестнице?

Тьери и Янн тревожно переглянулись, решив, что спор преподавателей шел о стипендии Дюма. Анни улыбнулась и подлила им вина.

– Не волнуйтесь, – сказала она. – К Дюма это не имеет отношения.

Она верно предположила, что Бернар опрометчиво спросил Мута насчет его отставки, объявленной на прошлой неделе на совещании преподавателей. Были названы три имени претендентов на кресло дуайена – пост, к которому прилагаются щедрое жалованье, долгие творческие отпуска и двухсотметровая квартира, имеющая историческую ценность. В ней они сейчас все и находились – она расположена на площади, где стоял самый, по мнению многих эксуазцев, красивый фонтан – «Четыре дельфина». И кроме фресок, взирающих на обитателей со стен, в окруженном стеной саду была еще одна редкость, которую горожане иногда слышали летом, но никогда не видели за трехметровой стеной: бассейн.

Такой пост был для Прованса необычным, но факультет теологии всегда умудрялся держаться на расстоянии от остального университета. В конце двадцатых годов прошлого века отец Жюль Дюма, священник и бывший глава факультета, завещал свой семейный особняк и все состояние университету, в то время как две нижние квартиры должны были сдаваться университетом и составлять фонд стипендии его имени. Его же именем были названы здание, в котором находились теперь кабинеты и аудитории, и улица в городе. Два его брата погибли в боях Первой мировой войны. Ирония судьбы состояла в том, что семья Дюма составила состояние, производя двигатели для танков, испытанных в семнадцатом году на раскисших полях Пикардии и Бельгии.

Как Анни Леонетти и надеялась, среди трех конкурсантов ее имя тоже значилось. Хотя она была моложе коллег и пользовалась на факультете репутацией модерниста, полученная в Йельском университете степень и частые публикации считались неоспоримыми. Против нее – даже сильнее некоторого излишнего радикализма – работало ее корсиканское происхождение. Место, где она провела первые восемнадцать лет своей жизни, оказало на ее карьеру влияние большее, чем она себе представляла. Поэтому иногда она жалела, что не осталась в Штатах – где факт рождения на Корсике не заработал бы ей ярлыка ни деревенщины, ни террористки. Но и она, и ее муж обожали этот остров, и после защиты Анни переехали во Францию именно за тем, чтобы каждые каникулы возвращаться на Корсику.

Второе имя принадлежало Бернару Родье – солидному, хотя и скучноватому исследователю цистерианского ордена, а третье было встречено покашливанием и хмыканьем. Джузеппе Роккиа, – «теолог для всех», как он себя

называл. Это был преподаватель в университете города-побратима Перуджи, который зарабатывал в десять раз больше своего университетского жалованья написанием книг и теологических статей в модных журналах. Также он выступал на итальянском телевидении, объясняя массам свою версию мировых религий. По этой причине Анни его и защищала: Роккиа простыми словами объяснял то, что многие считали сложным и изощренным, и еще за то, что он помогал итальянскому телевидению, которое отчаянно нуждалось в помощи. Она читала его книги – мировые бестселлеры – и многое, им сказанное, находила ценным. Оказавшись недавно в Перудже, она спросила у коллег, почему Роккиа продолжает преподавать – учитывая, сколько он заработал своими книгами и выступлениями в ток-шоу.

– Это ему придает респектабельности, – ответил ей Дарио, потягивая «кампари» на одной из множества восхитительных площадей города. – Да и вообще, нам, итальянцам, приятно обращение «дотторе».

Бернар Родье поставил пустой бокал на столик эпохи Империи (из редких пород деревьев, растущих в бывших колониях Франции) и вышел. «Вылетел», – как скажет потом Анни мужу, рассказывая вечером о событиях дня. Она слегка улыбнулась по поводу неловкого поступка Бернара, перечеркнувшего его шансы на пост дуайена. Потом посмотрела на Янна и Тьери и вспомнила времена собственного студенчества – недельные празднества в корсиканской деревне, когда ее приняли в Гранд-Эколь в Париже, силы и время, затраченные на изучение английского, годы докторантуры в Коннектикуте – зарабатывать на обучение приходилось официанткой во французском ресторане Нью-Хэйвена. И сейчас тоже надо было работать сверх меры: когда хорошо было бы почитать детям книжку на ночь или оказаться в постели с мужем, она допоздна сидела за письменным столом. Но вскоре награда окажется того достойной. Она может стать – и станет – следующим дуайеном теологического факультета, перевезет семью из безликой многоэтажки семидесятых в самый вожделенный дом во всем Эксе. Жалости к Бернару, который сильно отставал от нее по публикациям и не учился в престижном иностранном университете, она не испытывала.

– Pauvre Bernard,[3 - Бедный Бернар (фр.).] – шепнула она, улыбнувшись.

Глава 2. Истинные ученые

Анни Леонетти поставила на стол бокал и оглядела затихший зал. Жорж Мут закашлялся, прикрыв рот рукой, и прервал неловкое молчание. Может ли быть, что Мут сегодня назовет своего преемника? Она постаралась сдержать улыбку при этой мысли и вдруг пожалела, что не взяла с собой мужа.

– В общем, это можно объявить уже сейчас, – произнес хозяин приема отчетливым лекторским голосом. – Я решил, после всех размышлений, отложить свою отставку…

По залу прошел ропот, и снова дуайену пришлось кашлянуть, чтобы восстановить тишину.

– …на неопределенный срок, – закончил он ответом на вопрос, который вертелся в головах почти у всех гостей. – Я пока еще работоспособен. – Он попытался изобразить смешок. – Победитель же конкурса на стипендию Дюма… – он бросил взгляд в сторону Янна и Тьери, – будет объявлен на следующей неделе в это же время. А теперь, дорогие гости, ешьте, пейте и чувствуйте себя как дома.

Янн положил кусок пиццы на стол и глянул на Тьери.

– Вдруг расхотелось есть.

– Я тебя понял, – ответил Тьери. – Жаль, что мы не можем поделить стипендию.

– Нет-нет, – произнес друг с такой серьезностью, какую Тьери редко у него видел. – Ты – настоящий ученый, а я пошел на теологию, потому что туда легче всего было попасть, а еще я надеялся, что моих родителей это здорово взбесит.

Тьери взял бутылку и налил другу и себе.

– А отчего бы нам не выпить? У тебя получилось?

– Что получилось? – переспросил Янн, накладывая себе закуску. После признания к нему вернулся аппетит.

– Родителей взбесить. Получилось?

Янн засмеялся, поднял в тосте бокал.

– Забавно вышло. Отец снимал документальный фильм о Туринской плащанице – и вдруг оказался католиком-реформистом и мистиком. Он решил, что это здорово – сын, изучающий теологию. А что меня больше всего удивило – мама тоже. Ее богатый двоюродный дедушка служит миссионером в Южной Африке, и она подумала, что на него это произведет впечатление.

– Будем считать, что я тебе поверил, – заявил Тьери. – Хотя я все равно считаю, что ученый ты настоящий.

Янн засмеялся.

– Я сам удивился, когда мне понравилось изучать теологию. Основной причиной тому была доктор Леонетти. Но будет у меня стипендия или нет, а в страну МБА лежит мой путь.

Тьери налил вина Янну, а себе не стал. Янн заметил его нахмуренное лицо и спросил:

– Что случилось? Ты не волнуйся, даже если уеду в Штаты, будем с тобой держать связь.

Тьери покачал головой, наклонился к Янну поближе:

– Да нет, не в том дело. А что Мут не хочет в отставку. Представь себе, каково сейчас Леонетти. Я думал, она его заменит. А ты как считал?

Янн посмотрел через зал на Анни Леонетти, сидевшую в кресле с прямой спинкой, руки на коленях, глаза в потолок.

– Я тоже так думал, но что мы знаем? Нам тут ничего не говорят. Может, другие преподаватели выстроились в очередь за этой должностью. Родье, например, или вот тот из Тулузы, у которого пунктик – Норманнская церковь. А Мут все равно скоро уйдет – он совсем древний.

– Скоро – это как скоро? Ты же знаешь, как бывает: думаешь, что какая-то вещь уже у тебя в руках, а раз – и нет. И знаешь, как это тяжело. Уйдет он через шесть месяцев или через три года – на самом деле не важно. Все равно это подобно удару под дых.

Янн глотнул вина и попытался вспомнить, когда с ним такое бывало, но не смог. Когда Лаура ему в последнюю минуту сказала, что в июле с ним в Британию поехать не сможет, а он через друга узнал, что поехала она в Сан-Тропе с одним парнем, который уже работал в адвокатской конторе? Да нет, это быстро забылось, когда в то же лето вернулась в его жизнь Сюзанна.

– Ты посмотри! – Тьери кивнул в противоположный угол зала. – Не знай я, как оно на самом деле, я бы решил, что мадемуазель Захари неровно дышит к Муту.

Янн посмотрел в ту сторону, и его передернуло.

– Смотреть противно! Что она делает? Как будто лезет к нему с поцелуем! Я думал, она на факультете всех ненавидит, особенно меня. Я ее уже достал вопросом, когда же будет присуждена стипендия Дюма.

– Нет, – возразил Тьери, беря со стола крекер. – Я думаю, она тебя задолго до того ненавидела.

Янн поморщился, но решил на замечание друга не отвечать.

– Но ты прав, дуайена она в данный момент точно не ненавидит.

Одри Захари, двадцати семи лет, была аспиранткой на факультете истории искусств, а на факультете теологии стала подрабатывать еще на последнем курсе. Когда она получила диплом, как раз уволилась секретарша факультета теологии, и подработка стала постоянной работой. Одри была ею весьма недовольна и всем твердила, что не собиралась становиться на эту дорогу и лишь экономический кризис заставил ее печатать письма и вести документацию. В то же время она ревниво защищала свою новую роль на факультете и гордилась постоянной работой с хорошим пенсионным фондом и длительным отпуском.

– Она пытается поцеловать его в ухо? – спросил Янн, жуя кусок хлеба.

– Нет, она ему что-то шепчет. Наверное, о том, как сильно тебя терпеть не может.

Янн взял кусок сыра и поморщился.

– Ну просто дерьмо этот сыр. Нет, я буду зарабатывать так, чтобы покупать нормальную еду и вино.

– Вот-вот! – отозвалась доктор Леонетти, оказавшись с ними рядом. – Я рада, что вино вам понравилось. Странно, что в такой холмистой местности очень близко от моря производят настолько сердечные и сильные красные вина.

Ей стало не по себе после гневного ухода Бернара, потому что она отчаянно хотела унаследовать пост профессора Мута, но отлично сознавала, как просто (и в случае Бернара – небрежно) может человек выпасть из милости старого дуайена. Что означает этот «неопределенный срок»? Еще один учебный год? Он пройдет быстро, но больше выдержать было бы трудно. Муту сейчас около семидесяти? Анни поняла, что не имеет представления, сколько лет дуайену. Может, ему даже шестидесяти еще нет? Возможно ли это? Кто может знать. Даже мелькнула мысль подружиться с секретаршей Мута, которую Леонетти презирала.

Эти мысли прервал комментарий одного из двух студентов:

– И самое странное, что в Кассисе, прямо по дороге, делают только яркие, игристые белые!

Анни Леонетти уставилась на Янна, удивленная его знанием вин. Ей вдруг стало хорошо просто так стоять с Тьери и Янном и говорить о вине, о футболе, о чем там еще говорят мальчишки.

– Да, меня тоже всегда это поражало! Откроем еще бутылку? – спросила она, нагибаясь и доставая из-под полотняной скатерти бутылку, припрятанную ею там до начала вечеринки.

Глава 3. Очень глупая затея

Янн уставился на Тьери, не веря своим глазам. Его рука лежала на дешевой металлической ручке двери, приоткрытой на несколько сантиметров.

– Не… не может быть, – сказал Тьери, икнув. – Я знаю, что эти старые здания… совсем разваливаются, но чтобы так… вот просто войти…

– Тсс! – Янн предостерегающе поднял руку. – Попробуй икать потише? Давай, я за тобой.

Студенты протиснулись в дверь – никто из них не подумал открыть ее шире. Эта дверь находилась в боковой стене здания факультета изящных искусств, выходящей в переулок для мусорных баков. У Янна был некоторый опыт вскрытия замков: в доме, где находилась отцовская квартира, задняя дверь была такой же винтажной и замок отжимался легко. Это бывало полезно, когда Янн забывал ключи и не имел желания объясняться с отцом по поводу прихода в три часа ночи. Был еще один инцидент с пребыванием в полицейской камере и неодобрительным выражением на лице отца, когда Янн пришел утром.

Янн совершенно бесшумно закрыл дверь и показал на лестницу слева, посветив миниатюрным фонариком:

– Его кабинет на четвертом этаже. Пошли.

– Совершенно идиотская затея.

– Я же тебе уже объяснил, – сказал Янн, подталкивая Тьери по ступеням вверх. – Мут явно сошел с ума – он сегодня всем это показал. Все время над нами издевается, передвигая срок, бросая намеки, кому она присуждена. А что, если он решит отменить стипендию? Или сменить победителя?

– Если нас поймают, мало нам не покажется, – заныл Тьери, останавливаясь на лестнице.

– А кто узнает? – шепнул Янн. – Войдем и выйдем тихо, как церковные мыши.

– А если Мут в кабинете?

– Я тебе уже сказал: он будет крепко спать дома! Старики спят много.

– Я думаю, наоборот, – возразил Тьери. – Им сна нужно меньше, чем нам.

– Да бог с ним, – вздохнул Янн. – Его там так поздно быть не может, уже почти два часа ночи. Кстати, ты весь покраснел.

Тьери тронул лоб тыльной стороной ладони.

– Ты знаешь, что меня прошибает пот, когда я нервничаю. Кстати, еще один признак, что мы задумали глупость!

– Послушай, если мы найдем документы, где сказано, кто получил стипендию, я их сниму на телефон и покажу доктору Леонетти. И тогда будем готовы, если он вдруг свернет в сторону, как сегодня вечером.

Тьери посмотрел в темный коридор и попытался представить себе, что сейчас день и коридор полон студентов, служителей и преподавателей. Но при этой попытке темнота и тишина стали казаться еще более зловещими.

Янн увидел тревогу Тьери и тихо сказал:

– Мы пробудем здесь не больше десяти минут. Разве тебе не любопытно?

– Это да. Тот факт, что я пьян, тоже способствует излишнему любопытству.

– Тише! Так, его дверь четвертая по левой стороне. Видишь ее? – Янн посветил на ряд дверей, каждая из светлого дерева и выложенная резными квадратиками, модными в тридцатых годах. – Вот она.

Янн отдал фонарик Тьери, вытащил из заднего кармана бумажник и достал банковскую карточку.

– Университетским удостоверением надо!

– Тихо ты. Давай серьезно. Смотри, сейчас откроется – как в кино. – Он приставил карточку справа от ручки двери, к щели между дверью и рамой. – Посвети мне, я должен видеть, где у замка язычок.

Тьери наклонился и сделал, как просили, но не увидел темной полосы там, где должен быть язычок замка.

Янн обернулся к другу и пожал плечами. Положив ладонь на ручку двери, он осторожно ее повернул, и дверь открылась.

– Я же тебе говорил, – прошептал он. – Мут совсем из ума выжил, даже дверь сегодня не запер.

– Свет включать будем? – спросил Тьери.

– А почему нет? Окна кабинета выходят не на улицу, кто может увидеть? Давай включай.

Вспыхнул свет, и кабинет дуайена предстал во всем блеске своей чопорной роскоши. Янн, морщась от этой безвкусицы, оглядел обстановку.

– Смотреть противно!

Он повернулся к другу в поисках поддержки, но Тьери уставился на огромную картину маслом девятнадцатого века, изображающую святого Франциска Ассизского. Янн, упершись руками в бока, не утихал:

– Уж выдержал бы кабинет в ар-деко, чтобы он гармонировал с чистыми контурами здания! Что за безвкусица?

Янна в детстве много таскали по аукционам старинных домов, и он часто бывал в демонстрационном зале у матери. Поначалу, сразу после развода, она так искупала свою вину за то, что мало уделяет ему времени, но очень скоро стало ясно: младший сын не только любит хороший дизайн, но и обладает отличным глазомером.

Тьери окинул взглядом кабинет, и хотя он знал, что имеет в виду Янн под «чистыми контурами» и «ар-деко», ему нравились красные бархатные шторы на окнах, ряды темного дерева книжных полок вдоль стен и даже отстающие белые с золотом обои. В таком месте, представлялось ему, можно целый день с удовольствием работать. Оазис среди дешевых неинтересных зданий университетского кампуса.

– Где будем искать? – спросил он, отводя глаза от святого Франциска и стыдясь совершённого греха – нарушения закона. Ему было холодно, хотелось быстрее найти документы и убраться отсюда.

– Ну, лучше всего будет в ящике для папок, там должна быть одна с надписью… хм… «Стипендия Дюма»? А ты как думаешь?

– Да как угодно!

Тьери подошел к книжным полкам, под которыми были смонтированы ящики. Открыв дверцы одного из них, он увидел, что там снова книги. Янн подошел и открыл дверцы рядом – на полках были аккуратно сложены бумага и офисные принадлежности. Они подошли к третьим дверцам и открыли их – Янн присвистнул.

– Бинго! – прошептал он, увидев ящики с папками, напомнившие им о цели поиска и о том, что они нарушают закон.

Выдвинув верхний, Янн увидел, что папки сложены по алфавиту. Быстро их пролистав, он нашел одну с грифом «Дюма» и встал, открыв ее, чтобы и ему, и Тьери было видно. Янн держал папку, Тьери листал страницы.

– Вот наши заявления. Вот мое и сразу твое. А это… Гарриг?

– Не волнуйся, у нее ни единого шанса. Ты слышал, как она на занятиях выступает?

Тьери облегченно выдохнул.

– Да, ты прав. Но вообще-то, она умна. И с виду ничего себе, как по-твоему? Ну вот если ее одеть по-современному, накрасить и очки снять.

Янн недоуменно уставился на друга:

– Ты что, журнала Elle начитался? – Раздраженный болтовней Тьери, он нетерпеливо взял следующее заявление. – А, Клод. Без шансов. Оценки у него похуже наших, и он нелюдим. Черт побери, тут ничего нет о победителе!

– Значит, так тому и быть, пошли отсюда, – сказал Тьери, беря папки и засовывая их обратно в стол. – Мне что-то захотелось оказаться где-нибудь подальше.

Он обернулся к Франциску. Святой из Умбрии смотрел на него со стены и улыбался.

– Нет. Еще у него на столе посмотрим. Он мог где-нибудь записать имя.

Янн пошел к столу. Тьери, вздохнув, направился следом.

– Я тогда посижу, пока ты ищешь, – сказал он. Подойдя, он остановился, поняв, что чего-то не хватает. – А где его кресло? – спросил Тьери, обойдя вокруг стола. – Может, он работает на современном эргономичном табурете?

Янн засмеялся. В руках у него была папка без этикетки, лежавшая на столе.

– Трудно себе представить, чтобы Мут закупался в «Икее»!

Тьери ахнул и, отпрыгнув, налетел на мраморный столик, отчего ваза на нем покачнулась и стала падать. Янн бросил папку и успел подхватить вазу, крикнув:

– Тьери, merde![4 - Дерьмо! (фр.)]

Он решил, что эта ваза ар-нуво из… из Нанси? Попытался вспомнить художника-стеклодува на рубеже веков, работы которого покупала мать для очень, очень богатых клиентов, но это оказалось нелегко. Те вазы всегда были темные, из дымчатого стекла с оттенками зеленого, коричневого и оранжевого, с цветами и побегами, ползущими вверх по стенкам.

– Иисус, Мария и Иосиф! – завопил Тьери.

– Тише, ты! Они тебя все равно не услышат посреди города!

Тьери резко отвернулся от Янна к стене, навалившись локтем на стол и издавая нечленораздельные звуки.

– Эй! – окликнул его Янн, наконец встревожившись. Похлопал приятеля по плечу. – Ладно, пойдем уже.

Тьери не двинулся с места, но медленно протянул руку за спину, показывая на пол позади стола. Янн посмотрел в ту сторону.

– О-о-о! – На полу, позади стола, навзничь лежал дуайен. Глаза его были открыты. Рядом валялось перевернутое кресло. – Бежим!

Тьери обернулся, заставил себя взглянуть на тело Мута, потом перевел глаза на друга.

– Янн, нельзя же его так оставлять!

Янн потянул Тьери за свитер.

– Нельзя, чтобы нас тут поймали! Мы сюда проникли незаконно, да и куда будем звонить? Он мертв! Наверняка сердечный приступ.

– Давай хоть «Скорую» по дороге вызовем! – взмолился Тьери, доставая телефон. Янн поймал его за руку.

– Его утром найдут! Давай быстро отсюда!

– Анонимно можно позвонить, – возразил Тьери.

Янн взял Тьери за плечи, повернул к себе, посмотрел ему в глаза.

– Возьми себя в руки. Старому хрычу уже ничем не помочь. Надо о себе подумать и быстро отсюда исчезнуть. Утром его найдет уборщица. Давай идем.

Тьери посмотрел на друга – аргументы Янна его убедили. Если их найдут в кабинете Мута, никому из них стипендии не видать, да и из университета наверняка вышибут. И окажется он учителем французского где-нибудь на рабочей окраине Марселя, как его отец.

Он снова посмотрел на дуайена, ужаснувшись его открытым глазам. Этот взгляд Тьери Маршив запомнит на всю оставшуюся жизнь. Через тридцать лет, когда он сам окажется главой теологического факультета маленького американского колледжа, его четырехлетняя дочь сорвется с качелей, и на две или три секунды ее пустые глаза будут таращиться в огромное чистое небо, пока она не переведет дыхание, а Тьери, уже на грани обморока, разразится слезами облегчения. И еще раз он увидит такие глаза у одного слишком худого и слишком нервного коллеги, который после ежедневной пробежки по кампусу свалится с инфарктом в кабинете у Тьери.

– Пойдем отсюда, – сказал он тихо.

По дороге к двери Тьери еще раз украдкой оглянулся на картину и понял, почему она ему так нравится: святой Франциск улыбался, наклоняясь и будто разговаривая с птицами, а не проповедуя им. Над ними раскинул ветви большой дуб, защищая святого и его друзей; фон был испещрен яркими полевыми цветами. Янн вздохнул, придерживая дверь и пропуская друга.

– Галле, – шепнул он, досадуя, что Тьери так понравился этот кич девятнадцатого столетия.

– Что?

– Я про вазу, которую спас от гибели. Это работа Эмиля Галле.

Тьери не ответил. Он страшно удивился тому, что друг может говорить о вазе, когда дуайен факультета теологии лежит здесь без дыхания.

А в папке, оброненной Янном, было указано – о чем не знали друзья – имя лауреата стипендии Дюма.

Глава 4. В каждой работе…

Дождь заладил с раннего утра и лил, не ослабевая. Из кухонного окна было видно, как он лупит по растениям во дворике. В Провансе уже несколько месяцев не шли дожди – Полик не мог вспомнить, когда был последний, – и сейчас погода компенсировала упущенное время. По радио объявили, что жителей деревни в Верхнем Провансе эвакуировали из-за опасности наводнения. Он вспомнил гравийную дорожку, ведущую к ферме родителей возле Ансуи, в южном Любероне – от наводнения далеко, но после таких вот дождей она тоже превратится в болото. Купленный им «Рейнджровер» в эти дни окупался: уже не надо парковаться на шоссе за триста метров от каменного дома родителей, а на полноприводной машине можно проехать на самые дальние виноградники отца и его жены Элен. Хотя отец, ему уже под восемьдесят, предпочитал ходить пешком.

«Буду ходить, пока смогу», – бурчал он в ответ на предложение подвезти. Но Полик подозревал, что у отца на самом деле другие мотивы: недавно Альсест Полик нашел в междурядье виноградника римскую монету и был теперь одержим идеей найти еще. Эту монету он показывал всем, кто появлялся в доме, – от родственников до служителя электрической компании, пришедшего снимать показания счетчика. Хотя надпись стерлась, Альсест был совершенно уверен, что бюст, явно различимый, изображал Адриана: бородатый, с длинным орлиным носом, одетый в тогу и лавровый венок. Отец стал, как показалось Полику, в одну ночь фанатичным любителем истории и заставлял Бруно возить себя в Экс (родители в «la grand ville»[5 - Большой город (фр.).] сами ездить не любили), чтобы брать в библиотеке книги по римской истории.

– Папа! – простонала Лея, опуская на руки белокурую головку.

Бруно Полик обернулся к дочери.

– Сольфеджио! Сольфеджио! – заговорила она. – Терпеть его не могу. Зачем нас заставляют? Я и так умею читать ноты!

Она подняла голову и отпихнула от себя тетради. Они поехали по полированному сосновому столу и упали на пол. Полик отошел от окна, приблизился к дочери, обнял ее.

– Ты же знаешь: чтобы попасть в Экс в консерваторию, нужно прослушать все курсы нотной грамоты, хотя ты ее уже знаешь. – Дочь не ответила, и Полик добавил: – Лея, ты любишь петь, но в каждой работе, как ты ее ни люби, есть обязанности, которые тебе делать не нравится. Но чтобы работа получалась как следует, приходится иногда… – Он поискал нужное выражение, но нашел только одно: – Изрядно попотеть.

Он находил излишне трудные, но обязательные занятия теорией музыки скорее вредными, чем полезными. Идеальный способ убить в ребенке любовь к музыке, сказала однажды Элен. Если бы его, сына люберонских крестьян, заставили проходить тот же курс сольфеджио, который проходит его маленькая дочка, он бы навеки оперу разлюбил. Лея любит петь – почему ей нельзя просто петь, а теорией заняться, когда станет старше?

Он нагнулся, поднял упавшие тетради и прошептал:

– Мятное мороженое с шоколадной крошкой.

Лея просияла, кивнула, подняв два пальца, то есть два рожка мороженого. Полик достал из морозильника мороженое, Лея полезла в буфет за блюдцами.

Они уже доедали светло-зеленый сладкий холод, когда открылась дверь.

– Мама! – завопила Лея. – У нас перерыв на мороженое!

Элен Полик уставилась на мужа, изображая гнев, а потом рассмеялась.

– А ты не хочешь? – спросила Лея.

Элен не понимала, как муж и дочь могут есть мороженое, когда так холодно, хоть печь растапливай.

– Нет, я бы лучше выпила горячего пунша, – ответила она и прислонилась к стенке – снять резиновые сапоги.

– Сейчас будет, – пообещал Полик, ставя чайник.

Лея подошла к бару и спросила:

– Мам, ром или виски?

Супруги Полик переглянулись.

– Ты думаешь, это хорошо, когда девятилетний ребенок знает, что льют в горячий пунш? – спросил Бруно у жены.

– Ром, деточка, – ответила Элен. – Что я могу сказать? У нас очень развитой ребенок.

– Ты устала и промокла, – сказал Бруно, накидывая на плечи Элен ее любимое шерстяное пончо.

– Больше промокла и расстроилась. Пришлось в этот уик-энд работать на виноградниках… ты знаешь, каково это, у твоего папы приходилось.

– А что такое, мам? Лозам не хватает почвы? – спросила Лея.

Элен подошла к любимому креслу возле камина и села. Обновив свой сельский дом в Пертюи, чета Поликов сохранила только несущие стены, а первый этаж сделала как можно более открытым. Много внимания уделили большой современной кухне с камином, с двух сторон от которого стояли два больших кресла. Родители Бруно, приехав первый раз после ремонта, обходили дом, не веря своим глазам.

«Оригинально!» – бурчала старшая мадам Полик, проводя рукой по ящикам нержавеющей стали и металлу рабочих поверхностей. Она предпочитала дуб.

– В начале ноября полезно дополнительно окучить лозы. Защищает от морозов, – ответила Элен, глянув на дочь. Растирая себе ноги, она продолжала говорить,

переведя взгляд на мужа: – Но с этими дождями… мы пошли работать в погреб, расставлять вино для розлива. Оливер, кажется, поругался с женой: молчал как рыба. А я, хотя этим делом занимаюсь уже лет двадцать, никогда не привыкну к такой холодной-холодной-холодной сырости винного погреба.

– Ну, если повезет, сможешь окучить их на следующей неделе, – произнес Полик. – Дожди уже кончатся, а морозы еще не начнутся.

– Надеюсь, ты прав, – улыбнулась Элен. – Но Оливер все равно в полной панике.

– Это у Оливера Боннара любимое состояние. Оно позволяет ему не общаться с женой. У тебя, если шире посмотреть, отличный работодатель. Позволяет тебе делать все, что ты хочешь, и ставить на бутылках свою фамилию. В основном владельцы винных ферм слишком для этого глупы и упрямы.

– Ты прав, – согласилась Элен. – Но мне хотелось бы когда-нибудь завести свою ферму.

Бруно Полик улыбнулся и накрыл колени жены шерстяным одеяльцем. Учитывая его жалованье полицейского и цены на землю в Провансе, мечта жены стать самой себе хозяйкой была безнадежна.

– Может, и не в Провансе, – добавила Элен, улыбнувшись. – Что-нибудь подешевле. В Чили, например? – Она поежилась и натянула одеяло повыше. – Бруно, не подбросишь еще полено?

Он кивнул и направился к задней двери, и тут у него зазвонил телефон.

– Полик слушает.

– Простите, господин комиссар, что беспокою вас в субботу, – произнес собеседник.

– Все в порядке, Ален. Что случилось?

– В университете убили профессора, – ответил Ален Фламан, один из любимых агентов комиссара.

Полик вышел из кухни и взбежал по лестнице в небольшой кабинет.

– Что известно? – спросил он, плотно закрывая за собой дверь.

– Профессора Мута нашла утром уборщица. Сначала она решила, что у мужчины сердечный приступ, но присмотрелась и увидела, что у него проломлен висок. Когда прибыла «Скорая» и санитары увидели тело, они тут же позвонили в полицию. Я постарался побыстрее оказаться на месте. Профессора ударили по голове.

– Понятно, спасибо. Выезжаю. Вы еще там?

– Да. Это один из гуманитарных корпусов, сто двадцать четыре по улице Жюля Дюма. Четвертый этаж. Вы там увидите полицейских, мы оцепили все здание.

– Тогда ждите меня. Я буду через тридцать минут.

Лея внизу демонстративно вздохнула и с размаху хлопнула карандашом по столу.

– Лея! – одернула ее сидевшая рядом Элен.

– Но папа телефон наверх унес! А это значит, что он прямо сейчас уедет в Экс!

– Вероятно, дорогая.

– А кто же мне поможет сольфеджио сделать? Я же провалюсь!

– Я помогу, – ответила Элен, беря учебник дочки по теории музыки.

Лея посмотрела на мать скептически. Элен Полик сделала вид, что не заметила приподнятой брови дочери.

Глава 5. Один на миллион

Слушай, – произнесла Марин. – «Наполеон однажды сказал, что самый могущественный человек во Франции – это следственный судья».

– Очень мило, – пробурчал Верлак и потянулся через нее за очками для чтения. – Хорошее настроение на целый день.

– Прекрати, я знаю, что ты заметил ошибку!

– Какую ошибку? Что это Бальзак сказал, а не Наполеон?

– Вот именно. И почему эти мои студенты не могут написать нормально? «Однажды сказал!» Он же не сказку рассказывает, а работу пишет по истории! Из каких источников он мог это взять?

– Из Интернета, откуда же еще? – предположил Верлак. – Сейчас дети в библиотеки не ходят и ничего больше не читают. Я это каждый раз вижу, когда езжу на экспрессе в Париж. Сидят и три часа играют в телефоны, потому что читать разучились. – Он отпил кофе и добавил: – А кстати, Бальзак действительно это говорил?

– В смысле?

– В смысле, он это написал? Или кто-то услышал, как он что-то такое буркнул, скажем, в Гранд-опера в мужском туалете? Есть достоверная информация?

– Слушай, ну ты зануда.

Верлак улыбнулся, притянул Марин под одеяло.

– Я есть самий сильный человек во вся Франция, – сказал он по-английски, изображая французский акцент.

Марин засмеялась и сбросила одеяло:

– А я – замученный преподаватель, которому нужно работы проверять.

– Да брось! Ты же знала, что в эти выходные у нас мини-каникулы «Верлак и Бонне». Зачем ты вообще привозила эти работы? Чувствуешь свою вину за десятинедельные летние каникулы, плюс еще десять дней ранней осенью, да две недели на Рождество, две недели на лыжах в феврале и еще две недели отпуска в апреле по причине страшной профессиональной усталости?

Марин вздохнула.

– Ты же знаешь, что я во все эти каникулы работаю, пишу и публикуюсь.

– Это да, но за твоими коллегами я такого не замечал.

Марин рассмеялась:

– А откуда тебе знать? Да вообще, поверить не могу, что мы с тобой в наши, как ты их назвал, мини-каникулы Верлака и Бонне об этом спорим!

Она хотела встать, но Верлак вскочил, схватил ее белую блузку со спинки кресла и стал ею размахивать:

– Сдаюсь! Прошу прощения! Я идиот!

– Точная характеристика, – прыснула Марин.

– Ну, видишь, в чем-то мы уже согласны. Пойдешь сегодня дегустировать вино с идиотом?

– Антуан! – возмутилась она. – Мы уже вчера ходили его дегустировать и купили!

– Но я приобрел ящик белого висанского, и все время только о нем и думаю. Все мои любимые сорта винограда, и все в одном вине – сирах, мурведр, сенсол…

– Да-да. И кариньян, и гренаш.

Верлак перестал размахивать блузкой и заморгал, уставившись на Марин.

– Ты, оказывается, слушала! Иногда мне кажется, что у тебя фотографическая память.

Марин на этот комплимент улыбнулась. Преподаватели в школе и университете ей говорили то же самое, но тут дело было не только в памяти: вино начинало ее интересовать. Ее родители никогда не проявляли интереса к лозам – это хобби у них ассоциировалось с менее интеллектуальной жизнью или же с людьми, голосующими за консерваторов. Марин подумала о «Порше» Верлака и о его крошечном багажнике.

– Ты купил только один ящик, потому что у нас уже было три из Шатонеф-дю-Пап, а машина у тебя маленькая, спортивная. Тебе минивэн нужен.

– Я правильно расслышал? – спросил Верлак, бросая блузку на кровать. – Минивэн? Мне? Клади свои работы и пойдем, а то опять проваляемся в кровати все утро, как вчера. Горничная на нас злилась.

– И куда ты будешь складывать новое вино?

– Куплю с доставкой, моя милая. – Верлак подошел к окну и раздвинул тяжелые полотняные шторы.

– Mon Dieu[6 - Боже мой (фр.).], – шепнул он.

– Что там?

– Подойди, посмотри на наш Прованс, – ответил он.

Марин слезла с широкой кровати, поежилась от холода, подбегая к Верлаку. Он обнял ее за плечи. Они уставились на пятизвездочный вид Люберонских гор, сверкающих под солнцем снегами выступающих из тумана вершин. Долина, идущая между отелем и горами, рассыпалась на скрытые туманом зеленые полянки – и горизонтальные черты прерывались строгими вертикалями кипарисов.

Прямо за дверью поднимался и танцевал в воздухе пар. Марин с Верлаком не сразу поняли, что он исходит от подогретого бассейна.

Марин взглянула на Верлака и спросила:

– Искупаемся?

– Ноябрь же.

– Но дождя, как вчера, нет. А бассейн с подогревом. Поплаваем, вернемся сюда сам-знаешь-зачем, а потом я согласна ехать с тобой дегустировать вино – если заедем на римские развалины в Весоне.

– Поплавать – да, сам-знаешь-зачем – да, римские развалины – нет.

– Как? Разве тебе не нравятся римские развалины? – спросила Марин.

– На самом деле нет. Меня всегда одолевает зевота, и я чувствую себя виноватым. Я понимаю, что развалины – вещь важная, но я не умею видеть красоту или воображать ее в куче рухнувших колонн.

– А ты мне раньше такого не говорил. Можно я буду смотреть развалины, а ты пойдешь в средневековую церковь? Она в романском стиле, если я правильно помню. Мать о ней работу когда-то писала.

– Романском? Ладно. А потом встречаемся на этой прекрасной площади, пьем кофе и взахлеб рассказываем друг другу о том, что узнали за те два часа, проведенные порознь.

Они медленно завтракали домашними хлебцами с вареньем из ресторана, читая каждый свое. Верлак – Хемингуэя, «Праздник, который всегда с тобой», улыбаясь авторским описаниям несносной Гертруды Стайн – из тех дам средних лет, что он часто видел в магазинах «Монопри» или в почтовых отделениях. Они лезли без очереди или же громко высказывали свое мнение. Его бабушка Эммелин этот тип женщин называла «мисс Доггетс» – по имени персонажа одной из своих любимых книг. Он всегда забывал спросить, что это за книга.

– В который раз уже перечитываешь? – спросила Марин.

Верлак посмотрел поверх очков для чтения.

– Наверное, где-то в двенадцатый. Это новое издание я купил на прошлой неделе, когда был в Париже.

– Кстати, как Париж? Ты был у своих родителей?

– Нет, – ответил Верлак. Марин подумала, что так он закрыл тему, но он добавил: – Я видел Себастьяна.

Марин улыбнулась и кивнула, огорченная, что он навестил своего брата – магната недвижимости, но не нашел времени для стариков-родителей. Она этого не понимала, но по опыту знала, что спрашивать не стоит. Себе она мысленно завязала узелок – навестить сегодня родителей, когда они вернутся из двухнедельного путешествия по Сардинии. Единственная роскошь, которую они себе позволили – ночевать в сельских гостиницах, а не в палатке, как обычно.

Она окинула взглядом столовую отеля – глаженые полотняные скатерти и букеты живых цветов, – зная, что ее родители никогда в такой отель даже не заглядывали.

– Я дочитал главу, а кофе больше пить не в состоянии, – сказал Верлак. – А ты?

Марин сложила «Монд» и убрала в сумку. Верлак наклонился, взял у нее газету, увидев, что она что-то там подчеркнула. Рассмеялся:

– Ты всегда так делаешь?

– Всегда. Это для студентов. Люблю им приносить на занятия какие-нибудь актуальные новости, пусть и не по теме. Считаю, что это входит в обязанности преподавателей университета. Жаль только, что я не умею курить и отпускать на занятиях шуточки, как Ж-П.

Верлак засмеялся, вспомнив, как Марин восхищается Жан-Полем Сартром, но как при этом ненавидит сигареты.

– Таких один на миллион, – сказал Верлак, наклоняясь, чтобы взять ее за руку.

Так, держась за руки, они вышли из ресторана, разминулись на входе в гостиницу с богатым американцем, поздоровались с горничной, которая в ответ застенчиво улыбнулась. Входя в номер, Верлак вдруг почувствовал, что ему хочется сейчас оказаться подальше от отеля – и одному.

Марин тоже вдруг захотела того же. Она испытывала чувство вины, зная, что цена номера здесь равна арендной плате в деревне за месяц. И она чувствовала, что Верлак мысленно тоже не здесь, и несколько на него обиделась. Когда он сказал, что таких, как Сартр, один на миллион, у него была чудесная возможность добавить: «А таких, как ты – еще меньше».

Глава 6. Нелюбящий и нелюбимый

Верлак объезжал очередную круговую развязку промышленной зоны Карпантраса, торопясь выехать из этого мрачного города на шоссе дю Солей, которое в субботу вечером могло оказаться забитым. После звонка комиссара Полика они с Марин, уже забившей сумку открытками с римскими мозаичными птицами, договорились, что она будет до вечера проверять работы, а он вернется к ужину, поскольку Крийон-ле-Брав менее чем в двух часах езды. Верлак сможет допросить секретаршу покойного и поговорить с Поликом и Ивом Русселем – прокурором, который решил начать уголовное расследование и по телефону передал дело Верлаку.

Куря сигару и слушая баритон-саксофон Джерри Миллигана, он думал о Хемингуэе, о его идеальных фразах и скорби в старости – за год до смерти – о том, что когда-то обманул и бросил свою первую жену. Книга эта была, в сущности, адресованным ей любовным письмом.

– Хедли, – сказал Верлак, притормаживая и перестраиваясь на полосу автоматической оплаты. Зазвонил сотовый, и Верлак включил громкую связь.

– Да, Полик. Сейчас въехал на платную дорогу возле Ласона, так что мне до Экса еще полчаса.

– Отлично. Давайте я введу вас в курс дела. – Бруно Полик глотнул теплый кофе, купленный в университетском автомате. – Доктор Буве говорит, что Мута ударили по голове сегодня ночью, между часом и тремя. Уборщица обнаружила тело около восьми, когда пришла на работу. Дверь кабинета оказалась открыта, замок не взломан – значит, у убийцы был ключ или его впустил сам профессор Мут, а может, дверь вообще не была заперта. В кабинете обнаружены свежие отпечатки. Одни принадлежат Муту, два других в картотеке не числятся, а четвертые мы идентифицировали как принадлежащий аспиранту Янну Фалькерьо.

– Быстрая работа. За Фалькерьо что-то числится?

– Привод в семнадцать лет, по малолетке. Взломал дверь и проник в мужской клуб своего отца, проказы ради, видимо. Делу хода не дали, но парижские полицейские нагнали на него страху, бросив на сутки в камеру и сняв отпечатки пальцев.

– Понимаю. А то, что отпечатки этого парня оказались в кабинете, это не в порядке вещей? Он же был аспирантом факультета, который возглавлял Мут?

– И да, и нет. Жорж Мут был дуайеном, со студентами и аспирантами общался мало. Но пальчики Фалькерьо найдены на ручке двери, на папках на столе Мута, на стальных подлокотниках его кресла – оно опрокинулось, когда профессор упал. Мы с Русселем уже допросили Фалькерьо у него на квартире. С ним был еще один студент – Тьери Маршив, – и они тут же сознались, что ночью проникли в кабинет дуайена.

– Что? Они понимают, к чему это может привести? И как они вообще попали в здание?

– Я проверил дверь, которую они вскрыли. С этим бы и моя дочка Лея справилась. И – да, мальчишки очень нервничали… и не могли перестать болтать. Один все молол что-то про изображение святого Франциска, а другой – как не дал разбиться вазе из Нанси эпохи конца прошлого века.

Верлак слушал, но не комментировал. Вообще-то невиновный человек на полицейском допросе часто нервничает, но тут один из студентов раньше попадался на взломе. И странно, что оба парня говорят о каких-то предметах в

кабинете, когда на полу лежал мертвым их дуайен.

Верлак затянулся сигарой и решил, что ваза была Галле. Дуайен мог себе такое позволить?

– Что они говорят о профессоре?

– Что увидели, как он там лежит, и решили, что у него был сердечный приступ. Сбежали, чтобы их не застигли в кабинете.

– А что они вообще там делали?

– Хотели посмотреть, кто получил какую-то там стипендию – оба на нее подавали. Вот на этот мотив и напирает Руссель: обвиняет их, что убили профессора ради этой награды.

– Merde, Руссель, – шепотом выругался Верлак. – Что за идиот.

Уважая Русселя за многие качества – в том числе трудолюбие и храбрость, – он постоянно злился на импульсивность прокурора и терпеть не мог его плоских шуток и манеры быть в любой компании самым громким. Синдром коротышки, подумал Верлак, который у марсельца вдвое сильнее.

– Вы слушаете?

Верлак стряхнул упавший на пиджак пепел и сказал в микрофон:

– Простите, Полик. Продолжайте, пожалуйста.

– Я направил бригаду на осмотр квартиры профессора Мута, и мы вызываем всех, кто был на приеме в этот вечер – у секретарши Мута есть список. Я велел тем, с кем мы установили контакт, завтра присутствовать в зале собраний факультета в девять утра, несмотря на воскресенье. Но некоторые уехали на уик-энд, и с ними связаться не удалось.

– Завтра утром – это отлично, благодарю вас. А с остальными можем побеседовать в понедельник. Я уже с минуты на минуту приеду.

Верлак отключился. Он понял, что сегодня к вечеру ему в Крийон-ле-Брав не вернуться, так что придется оплатить Марин такси до дома. Вдруг он ощутил желание поехать в Марсель и остановился поискать телефон своего нового друга – обожателя Марселя Оливье Мадани. Он позвонил этому режиссеру и предложил пообедать в своем любимом марсельском ресторане на улице Санте. Его держала семейная пара, поменявшаяся привычными ролями: жена работала на кухне, муж принимал гостей в зале. Каждый раз, входя в этот ресторан, Верлак чувствовал, будто попал домой – или в такое место, каким должен быть настоящий дом: теплый, с приглушенным светом, с искренними и дружелюбными хозяевами. Посетители ресторана все друг друга знали, пересаживались от стола к столу, как будто играли в музыкальные стулья. Верлаку было приятно, что можно подойти к кухне, сунуть голову в отодвигающееся окно и поздороваться с Жанной, спросить, что она для него готовит в этот вечер. Жанна готовила еду из местных продуктов по многочисленным рецептам, еду сытную и острую и в то же время изысканную. «Забавные блюда», – называла их Эммелин, когда он приводил ее сюда. Сейчас Жанна и Жак уже состарились, и Жак передвигался от стола к столу с тросточкой. Верлак подумал, что вскоре они уйдут на покой, а ресторан закроют. От этой мысли стало грустно.

Кусочек солнца, который он видел над вершиной Венту из окна отеля, теперь исчез. Верлак въехал в Экс и остановился напротив дома, который назвал ему Полик, увидев, что надпись на доме соответствует названию улицы – Жюля Дюма. Свой древний темно-зеленый «Порше» он втиснул между двумя полицейскими машинами. Трое молодых людей – видимо, студенты – подошли к его машине и осмотрели ее.

– Красавица, – донесся голос одного из них.

Верлак вышел, кивнул студентам. Они застенчиво улыбнулись в ответ и вернулись к прежнему занятию – смотреть, как входят и выходят в здание полицейские. Им эта процедура несколько наскучила, но почему-то они не могли от нее оторваться.

Из здания, построенного в стиле ар-деко, вышел Бруно Полик и направился к своему начальнику. Они поздоровались – и комиссар досадливо застонал.

– Что случилось, Бруно? – спросил Верлак.

Полик закатил глаза, и Верлак обернулся. Перед ними был мужчина в инвалидной коляске, говорил с двумя студентками, загипнотизированными полицейской суетой.

– Вон отсюда! – прокричал этому человеку Верлак, подходя быстрым шагом. Девушки в ужасе уставились на судью.

– Эй, минутку! – сказала та, что была пониже, с пирсингом брови и кольцом в носу. – У этого человека – физические ограничения!

– Этот человек отмотал срок. А вам бы, девушки, почему бы не пойти в кафе?

Та, что повыше, в очках и плохо сидящей одежде, схватила подругу за руку и увела прочь.

– Ты что тут делаешь, Лемуан? – спросил Полик, возвышаясь над креслом. – У тебя же судебный ордер: не подходить близко к школам и молодым девушкам!

– А это не школа, это университет! И девушки вполне способны отдавать отчет своим поступкам, – презрительно бросил Лемуан.

Верлак подошел ближе.

– Ты меня помнишь, Лемуан?

Тот явно помнил судью, устроившего ему максимальный срок за два случая неподобающего поведения: оскорбление словом и действием двух девочек-подростков прямо рядом со зданием школы.

Полик оперся на подлокотники кресла и качнул пару раз, потом отпустил. Лемуан стал торопливо разворачиваться.

– Все, уезжаю, уезжаю!

– Я почему-то думал, что он из Экса исчез, – вздохнул Верлак.

Полик стоял на тротуаре, чтобы Лемуан его видел, и обратил внимание, что судья провожает его взглядом, пока он не скрылся за углом. Верлак вспомнил слова Филиппа Ларкина, что любой человек, богатый или бедный, красавец или урод, – обречен на разочарование. Поэт цинично разделил людей на две группы: тех, кто не любит, и тех, кого не любят. Лемуан, решил Верлак, попадает в обе. Родители самого Верлака были нелюбящими, а брат? А брат – нелюбимым.

– Ручаюсь, он поехал в парк Журдан, – сказал Полик.

– Надеюсь, что нет. – Верлак подумал, что в такой серый день в парке будет мало народа. Девушек. – Вы обратно в здание?

– Нет. Секретарша Мута ждет вас на четвертом этаже. – Полик слегка улыбнулся, что Верлаку показалось странным, но он ни о чем не спросил.

– Хорошо, тогда увидимся здесь же завтра утром.

Он вошел в здание и тут же вспомнил свои студенческие годы – хорошее время, вдали от всего, что случилось в Париже. Быть студентом – это роскошь (как ни странно, самими студентами мало ценимая): иметь возможность читать и писать весь день.

Он поднялся по лестнице и встретил высокую белокурую женщину в полицейской форме, с волосами, увязанными в тугой пучок, и едва заметной бледно-розовой помадой на губах.

– Здравствуйте, господин судья!

Она протянула тонкую руку.

– Добрый день, – ответил он, не вспомнив, как ее зовут, но глядя ей в глаза. Она уж точно не из несчастных Ларкина?

Верлак поднялся до четвертого этажа, прошел по коридору и увидел полицейского на стуле возле дверей кабинета. Молодой человек при его

появлении вскочил как ошпаренный.

– Господин судья! – воскликнул он.

– Привет. Сидите, сидите! Вам что, никто даже кофе не принес?

Полицейский недоуменно посмотрел на него.

– Да как-то… нет.

Верлак улыбнулся:

– Я вам организую при первой возможности. С сахаром?

У парнишки было такое лицо, будто ему предложили шампанского.

– Да… один кусок. Если это не трудно.

Верлак улыбнулся, вошел в кабинет и был встречен пронзительным воплем:

– Ну наконец-то!

Он выглянул в коридор, посмотрел на рыжего новичка. Тот приподнял плечи, улыбнулся и покрутил пальцем около виска. Верлак рассмеялся.

– Прошу прощения? – сказал он, возвращаясь в кабинет.

Голос принадлежал миниатюрной женщине лет тридцати.

– Я жду уже целую вечность! – пожаловалась она. – В свой выходной день! Мой патрон убит, а я тут сижу и мне никто ничего не говорит!

– Очень скоро вам сообщат всю информацию. Пока же…

– Убит! – перебила она. – А в понедельник учебный день, у меня полно работы… Семестровые оценки уже должны быть, а некоторые преподаватели – всегда одни и те же – тянут время и оценки передают мне в последний момент! А студенты, естественно, хотят свои результаты знать немедленно. И вот с этим со всем…

– Тихо, пожалуйста! – От более резких выражений Верлак смог удержаться. Женщина удивленно уставилась на него. Он воспользовался моментом: – Как вы сами сказали, ваш патрон убит, так что имейте уважение к смерти. Ведите себя тихо и делайте, что вам говорят.

Для большего эффекта Верлак оперся на ее стол. Он вспомнил Полика, нависшего над коляской Лемуана, но понимал, что ему такого эффекта не достичь, комиссар – бывший регбист два метра ростом.

– Хорошо, мсье, – ответила она еле слышно, сопроводив вздох небрежным пожатием плеч, будто поняла, за что ее отчитали, но ей на это в высшей степени наплевать. Она стала перелистывать бумаги, делая вид, что не замечает Верлака, пока он не сказал:

– Я знаю, что вы провели полицию по кабинету, но не могли бы вы сделать еще раз, мадемуазель…

Она снова вздохнула, еще полистала бумаги – первостепенной важности, несомненно, и встала из-за стола, направляясь к двери в кабинет Мута.

– Мадемуазель Захари, Одри, – произнесла она наконец. Перевела дыхание. – Ничего не пропало, как я уже говорила комиссару. Самый ценный предмет – ваза Галле, и она на месте.

– Вы уверены, что та же самая? – спросил он.

Секретарша рассмеялась.

– Конечно! И вообще, – добавила она, закатив глаза, – вазы Галле не столько стоят, чтобы вор платил за фальшивку. Я изучала историю искусства, – пояснила она, хотя никто не спрашивал.

Верлак промолчал, потому что понятия не имел, сколько может стоить ваза Галле. Он вспомнил, что видел их в Малом дворце в Париже, но даст ли себе кто-нибудь труд такую воспроизвести? Он лично думал, что они стоят кучу денег.

– Вы были на приеме вчера вечером?

– Bien s?r[7 - Конечно (фр.).]. Я уже говорила комиссару и дала ему список гостей.

– Долго ли вы там оставались?

Мадемуазель Захари подбоченилась.

– Я? Где-то до одиннадцати вечера. – Голос ее слегка дрогнул, и Верлак это немедленно отметил. Или нервничает – или в чем-то виновата.

– И направились оттуда прямо домой?

– Нет. Мы с моим молодым человеком встретились в баре «Золя». Там засиделись далеко за полночь, а оттуда домой. – Снова ее голос чуть просел, и она добавила: – Ушли около двух ночи, можете спросить тех, кто там работает.

– А пост дуайена… какой там срок пребывания? Четыре года, пять?

Мадемуазель Захари засмеялась:

– Пожизненно. Но вряд ли его убили ради…

– Всего хорошего, – перебил Верлак, заканчивая беседу.

Не поблагодарив, он как можно медленнее вышел из ее кабинета. Терпеть ее присутствие он больше не мог, а некоторые ответы будут, как он надеялся, завтра к утру.

Обернувшись, он сказал:

– И моему сотруднику принесите кофе. С одним куском сахара. – Она хотела возразить, но он добавил: – Немедленно. А к завтрашнему заседанию будьте добры подготовить список профессорско-преподавательского состава, технических работников и аспирантов с контактной информацией по каждому. Очень полезны будут также фотографии. Да, и расписание занятий.

Мадемуазель Захари хлопнула по столу книгой, отчего молодой полицейский в коридоре ухмыльнулся до ушей.

«Ну и сноб!» – подумала она. Ясно было, что судья видит в ней малообразованную секретаршу, а не человека с дипломом по истории искусств. Вздохнув, она припомнила, что сегодня суббота – еженедельный визит к родителям. Смотреть, как они воркуют над идеальным младенцем старшей сестры Лиз и волнуются, хватает ли Лиз и ее мужу (оба врачи) времени поспать. Про Мишеля, ее молодого человека, они никогда не спрашивают, и хватает ли у нее времени поспать и достаточно ли она ест, тоже их не интересует. Зато сегодня ей будет что им рассказать интересного. Новый зубик у младенца – это начисто проигрывает убийству.

Родители сожалели, что она не стала продолжать обучение, это она знала, но упустить работу с полной занятостью в Эксе – это было бы безрассудством. К тому же ей нужны деньги: Мишель мало зарабатывал официантом, а работа в университете гарантировала нахождение в своей среде. Мишель уж точно не интеллектуал, но они созданы друг для друга. Работа на дуайена имела свои преимущества, и она не хотела, чтобы его сменили, кто бы ни был преемником.

Мадемуазель Захари села, провела руками по стеклянному прессу для бумаг, который ей подарил дуайен на день рождения, и поняла, что ей будет не хватать этого старого дурака.

Верлак вышел в ранний вечер и начинающуюся морось. Пусть мадемуазель Захари и красавица, подумал он, но эта едкая манера разрушает любое обаяние, если таковое у нее окажется. Она нелюбима – или не способна любить? А полицейская на лестнице, похожая на танцовщицу? Любящая.

Верлак вспомнил о сегодняшнем утре в отеле. Его терзало чувство, будто он сделал что-то не так.

Вдали зазвонили колокола Сен-Жан-де-Мальт, и он пошел своей дорогой, плотнее запахнув воротник.

Глава 7. Неловкий момент у Сильви

Этот номер больше всей моей квартиры!

– Вряд ли, – покачала головой Марин.

– Преувеличиваю, конечно, но кровать огромная.

На нас троих вполне места хватит!

Сильви Грасси взбила подушку и легла на нее, заложив руки за голову.

– А я в серединке! – воскликнула ее девятилетняя дочь Шарлотт. – Как мне повезло!

Шарлотт Сильви воспитывала одна, и первые два года жизни девочка спала с мамой на двуспальной кровати. Родители Марин были в ужасе. Когда Марин попыталась им объяснить, чем руководствуется Сильви, то вспоминала, что вопрос о младенцах и сне был в семье запрещен, и ей пришлось смиренно слушать рассуждения обоих родителей об избалованных детях.

Шарлотт обняла мать и крестную, спрыгнула с кровати и побежала рассматривать мраморную ванную, а Сильви продолжила обрабатывать Марин:

– Он абсолютно необязателен. Ты у него всегда на последнем месте. Всегда! И вообще он должен тебя еще раз свозить на уик-энд.

– Сильви, я не примадонна, – ответила Марин, поворачиваясь к подруге и приподнимаясь на локте. – Со мной не надо нянчиться. У него очень ответственная должность – одна из самых важных в округе. И я знаю, что у него все время дел выше головы. У преподавателей тоже так… всегда надо

проверять работы, готовиться к занятиям, печатать статьи. Мы сами выбираем себе профессию и должны отдавать ей все силы. – Марин хотела увести разговор от Антуана и потому поделилась новостью: – К тому же сегодня его вызвал комиссар. Ночью в Эксе случилось убийство.

Сильви села и глянула в сторону ванной, где слышно было, как говорит сама с собой ее дочь.

– Убийство? Кого убили? Где? – спросила она.

– Вот это самое главное. В университете.

– Что?

Марин кивнула. К счастью, она не знала подробностей, поскольку любовь подруги к сенсационному всегда ее отталкивала. Она относила это свойство к тому, что Сильви все новости узнавала не из газет, а по телевизору.

– Марин! Подробности!

– Больше ничего не знаю.

– Марин, да брось! Ты же там работаешь. Где это было?

Сильви преподавала историю живописи и фотодело в школе изящных искусств, на другом конце города.

– Ну ладно. Антуан сказал, что это не на юридическом факультете, к счастью, а на теологическом, в здании Жюля Дюма.

Сильви спрыгнула с кровати, подбежала к ночному столику и стала рыться в сумочке, ища сигареты, но вспомнила, что они в номере для некурящих и рядом Шарлотт. У Сильви было жесткое правило: при дочери не курить.

– Сильви, что случилось? – спросила Марин. – Ты кого-то знаешь на теологическом факультете?

Сильви замотала головой.

– Нет-нет. Никого, – пробормотала она. – Слушай, а как там твоя мама?

– Нормально. Я ей сразу позвонила, как поговорила с Антуаном. Она знает не больше нашего.

Марин показался странным такой внезапный интерес Сильви к мадам Бонне. Они с Сильви друг друга недолюбливали. Мать Марин считала Сильви развратной и себялюбивой. Сильви полагала, что мадам, или доктор, Бонне – холодная и суровая мать, погруженная в свои дела и потому игнорирующая (как считала Сильви) нерешенные и болезненные проблемы.

– Так что сама видишь, почему Антуан должен был уехать, – закончила Марин. – К тому же он любит свою работу.

– А тебя? Он хоть раз сказал, что любит тебя?

Сильви вертела в руках пачку и думала, не выскочить ли быстренько покурить. Никогда ей не был нужен никотин так, как сейчас…

– Девятнадцать из двадцати! – ликующе завопила Шарлотт, вбегая в комнату и прыгая на кровать. Мать и крестная зашлись в хохоте, увидев, что карманы свитера набиты мини-флакона ми шампуня и лосьона для рук.

Шарлотт обернулась к крестной, обхватила худощавое лицо Марин пухлыми ладошками:

– Марин, как ты думаешь, у них сегодня паста есть в ресторане?

Марин погладила девочку по голове и попыталась улыбнуться, радуясь, что Сильви настояла на своем приезде в Крийон-ле-Брав, как только услышала, что Верлак не вернется. Но у нее в голове еще звучал голос Антуана. Сильви Марин не сказала, что Варлак говорил с ней кратко и быстро, и слышно было, как ему не терпится закончить разговор.

– Наверняка там какая-нибудь паста найдется, – ответила Марин. – А если нет, то ресторан настолько хорош, что шеф тебе сделает такое блюдо, какое ты захочешь.

Шарлотт вздохнула и опустила голову на подушку, глядя в потолок.

Сильви подошла к мини-бару и достала бутылочку белого вина. Вытащив из сумочки миниатюрный штопор (он висел на связке ключей), открыла вино, показав Марин, что ей тоже сейчас нальет.

– Я за него заплачу, ты не волнуйся! – сказала Сильви.

Для Шарлотт она нашла яблочный сок. Девочка уже перебралась на пол и сортировала добытые в ванной флакончики на три группы: «красивые», «симпатичные» и «противные». Сильви сделала большой глоток и посмотрела на себя в зеркало, надеясь, что ни дочь, ни лучшая подруга ее мыслей сейчас не прочтут.

Глава 8. Утешительная еда

В ресторане какой-то ничем не примечательной гостиницы шестидесятых возле центра Перуджи Джузеппе Роккиа, согнувшись над тарелкой пасты с кабанятиной под соусом, насладился ароматом еды и посыпал ее пармезаном. Он приходил сюда ужинать раз или два в неделю – ему был приятен интерьер, отделанный мягким деревом, а еще за рестораном находилась парковка, подходящая для его «Мерседеса». Он больше обычного потратил времени на чтение неожиданно обширного списка вин и наконец выбрал каберне с гор Альто-Адидже. Имя виноторговца звучало скорее как австрийское, а не итальянское. Вино также вполне подходило к изжаренному на углях карпу – Роккиа сказали, что рыбу только что поймали в расположенном поблизости озере Лаго Тасименто, – которого он заказал себе на второе. Будучи человеком нетерпеливым, он решил между пастой и карпом позвонить Бернару Родье. Ему нравилось, когда есть чем заняться во время ужина в одиночку, а поскольку он был занят телефоном, то был уверен, что фанаты и доброжелатели оставят его в покое.

Родье ответил после первого гудка. Его обычно густой актерский голос дрожал от волнения.

– Джузеппе?

– Да, Бернар.

Роккиа раздражало, что Бернар всегда задает этот вопрос, хотя видит его номер.

– Ты слышал? Жоржа убили! Сегодня ночью или под утро.

Джузеппе Роккиа отложил полотняную салфетку и подался вперед.

– Бернар, медленнее и отчетливее. У тебя очень взволнованный голос. Мне показалось, будто ты сказал, что убили Жоржа Мута?

– Именно это я и говорю! Убили у него в кабинете! Больше я пока ничего не знаю. Даже не знаю, как его убили.

– В кабинете? Но где же…

– Не волнуйся, у меня.

Роккиа испустил вздох облегчения.

– Бернар, ты ничего не должен говорить. Ничего, понимаешь?

– Да понятно. Но ведь произошло убийство! Что, если убийца ищет…

– Тише! Ты где сейчас? Тебя никто не слышит?

– Нет, я дома.

– Вот пусть этим занимается полиция. Бедняга Жорж наверняка просто под руку подвернулся. Скорее всего, воры искали деньги, а Жорж попытался с ними

подраться.

– Но мы же подозреваемые! – не унимался Родье.

Джузеппе Роккиа засмеялся:

– Уточнение: ты подозреваешься в убийстве. А я нет, я в Перудже.

Принесли карпа, и Джузеппе постарался выкинуть из головы хныканье Бернара Родье. Мута больше нет, и вскоре Роккиа станет владельцем той прекрасной квартиры на площади Четырех дельфинов, такой удобной в дни оперного фестиваля в Эксе. Он уже знал, кого пригласит, если только она сможет так надолго уехать от мужа.

Он положил в рот кусочек карпа и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Бернар Родье никак не мог привыкнуть есть в одиночестве, особенно по вечерам. Он включил телевизор, попал на какое-то шоу с неизвестными актерами и выключил, не пытаясь даже смотреть другие каналы. Подошел к кухонному радио – бывшая жена позволила ему забрать его из их бывшего дома, и включил «Франс мюзик». Какая-нибудь классика сейчас бы подошла.

День выдался тяжелый. Мута нашли мертвым, а этот прокурор с резким голосом настаивал на его присутствии в университете на следующее утро, будто его подозревают. А почему полиция не позвонила Джузеппе?

Тут он сообразил, что Джузеппе редко сообщает номер своего сотового, так что полиция могла звонить ему только на домашний, а Бернар не сомневался, что доктор Роккиа в доме бывает нечасто. Родье подумал, что лучше всего будет просто держаться от этого дела подальше. Он поможет полиции, как посоветовал Роккиа, но и только. Лишней информации не даст. А встречу в Национальной библиотеке отложит на потом.

Он открыл морозильник, зная, что свежей еды в холодильнике мало. После двадцати шести лет семейной жизни он совершенно не умел покупать продукты, вспоминал о них, когда магазины были уже закрыты, и все еще был очень

неорганизован. Потому неделю назад съездил в «Пикар» и набрал на сто евро того, на чем специализируется эта сеть: замороженных деликатесов. Выбор был достаточно широк, и Родье постарался закупить достаточный набор рыбных, мясных и овощных блюд. Для мяса сегодня уже поздно. Для рыбы не было белого вина, да и хотелось чего-нибудь более существенного. Он повернул этикеткой к себе порционную коробочку. Это оказалась паста карбонара: отличный выбор для вечера, тем более что в буфете имелось полбутылки дешевого бордо. Бернар Родье в винах не разбирался и бордо купил ради названия, а еще потому, что считал, будто стакан красного вина полезен для здоровья. Или там про два стакана было?

Раздался знакомый теперь звонок микроволновки; Родье вытащил пластиковый контейнер и вывалил его содержимое в глубокую тарелку. По радио играли «Вариации Гольдберга» Баха, и он сел к столу, чувствуя некоторую успокоенность. Волноваться ему было не о чем, а после смерти Мута снова появилась возможность занять пост дуайена: совершенно логично было бы выбрать усиленно работающего профессора, опубликовавшего целые тома о религиозном ордене цистерианцев.

Он улыбнулся, представив себе, как сидит в кабинете Мута, звонит в «Пикар» и заказывает по телефону недельный запас продуктов, указывая престижный адрес на площади Четырех дельфинов.

Глава 9. Наречение имен

– Я умираю с голоду!

– Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

Янн удивленно посмотрел на Тьери:

– А ты есть не хочешь? Уже почти девять утра.

– Меня мутит.

Янн открыл маленький холодильник и заглянул внутрь:

– Это потому, что ты ничего не ел.

– Не в этом дело, – вздохнул Тьери. – А в том, что мы с тобой подозреваемся в убийстве.

Янн засмеялся, повертел в руке баночку малинового джема, поморщился, увидев на джеме толстый слой зеленой плесени.

– Этот мелкий живчик – псих. А здоровенный регбист, комиссар, нас не подозревает. Это по его физиономии видно. Так что волноваться тебе не о чем.

– Как у тебя получается быть таким спокойным? – спросил Тьери, посмотрев на приятеля. Тот уже сидел на софе, держа биографию какой-то рок-звезды.

– Мы только проникли в помещение… это ерунда по сравнению с убийством. И об этом нашем проступке быстро забудут, вот увидишь.

– А как ты думаешь, кто это сделал?

Янн отложил книгу и встал, начал ходить по комнате.

– Вопрос интересный. Кражу я не рассматриваю, поскольку в этом мерзком кабинете красть было нечего. Разве что…

– Что? Картину со святым Франциском? Так если убийцам она была нужна, почему они сбежали без нее?

– Да нет, глупый, – засмеялся Янн. – Ваза Галле, которую я видел. Но эту гипотезу мы отбрасываем, потому что ваза осталась на месте, а я не думаю, что человек может убить ради произведения искусства и забыть это самое произведение забрать. Особенно, друг мой, если это религиозная мазня конца девятнадцатого века.

Янн подошел к книжной полке, снял какую-то книгу, открыл ее наугад и сделал вид, что затягивается трубкой.

Тьери засмеялся:

– Отлично, тогда назови мне подозреваемых.

Янн поднял указательный палец:

– Бернар Родье, дорогой мой Уотсон, и наша любимая пышногрудая Анни Леонетти.

Тьери потрясенно уставился на приятеля.

– Смотри, что они на этом выигрывают, – сказал Янн. – Квартира, за которую можно умереть: на лучшей площади и без того невероятно дорогого Экс-ан-Прованса плюс к тому пожизненная должность. И неплохо оплачиваемая, учитывая пожертвование Дюма.

– Да, понимаю твою мысль. Это как для нас – стипендия Дюма.

– Н-ну, – протянул Янн, – не совсем так. А еще есть Джузеппе Роккиа…

– Это вряд ли, – перебил Тьери. – Он живет в Перудже.

– Посмотри на карту. Оттуда день пути на машине. Мы нашли Мута в два часа ночи. Это значит, что Роккиа мог убить дуайена после приема, потом всю ночь ехал к себе в Перуджу. Вижу, как он сейчас сидит в своем любимом кафе на любимой площади, ровно в девять утра, как в любой другой день.

Тьери пожал плечами и почесал в затылке.

– Ладно, а Одри Захари?

Он хотел внести свой вклад в список подозреваемых.

– А что она на этом выигрывает? – спросил Янн.

– Хм… может, любовная ссора? Ты видел, как она с ним кокетничала на приеме.

– Это возмутительно. Она втрое его моложе!

– Я вижу, ты эксперт. – Тьери откинулся на спинку стула, потер живот. На самом деле ему очень хотелось есть, но он сильно нервничал. – Послушай, Янн. Я думаю, тебе нужно сказать судье, что ты не все время был со мной в пабе.

Янн нервозно рассмеялся:

– Ну, Тьери, спасибо!

– Я просто считаю, что надо поступить честно!

– А я честно. У меня голова пошла кругом от вина и пива, и я вышел прогуляться. Прошелся по улице Италии и облевал пальму в кадке, потом заснул на скамейке напротив Сен-Жан-де-Мальт. Минут сорок меня не было?

Тьери нервно теребил бахрому покрывала на кресле.

– И ты меня оставил одного на все это время с теми американками.

– Ты слишком стеснителен с девушками. Я тебе одолжение сделал. А вернувшись, я уже был в приличном виде, верно?

Тьери кивнул, потирая живот.

– Кажется, в буфете есть сушеная паста.

Янн встал, посмотрел на друга.

– Ты еще скажи, что это «Де секко».

– Это «Де секко».

Янн потер руки, открыл дверцу, взял знакомый синий пакет с любимой пастой.

– Ты меня действительно слушаешь!

– Так она же в самом деле отличная, – сказал Тьери, запуская пальцы в волосы в деланом смущении.

– А соус? Соус у нас есть?

– И опять тебе повезло. Соуса нет, но есть дядина бутылка оливкового масла. Она у меня под кроватью, я ее сберег.

Янн побежал в спальню Тьери, опустился на колени и пошарил под неубранной кроватью.

– Того дяди, у которого оливковый сад в Аллоше? – спросил он оттуда.

– Ага! Насыщенный вкус историй Марселя Паньоля – по крайней мере, так дядя говорит.

Найдя шлепанцы и одну кроссовку, Янн в конце концов добрался до оливкового масла и прижал бутылку к груди.

– Только вина у меня не спрашивай, – сказал Тьери, вставая, чтобы помочь.

– Печаль, печаль.

– Прости, что с пастой так вышло, – сказал Марсель Фо, убирая посуду.

– Не так уж это было плохо, – возразила его жена.

– Ты очень добра, но она была переварена, а я знаю, как корсиканцы трепетно относятся к пасте.

– Честно говоря, я даже и не заметила. А дети вообще ее заглотили, не жуя. Кстати, где они научились добавлять в нее кетчуп?

– В доме моих родителей, – ответил Марсель, наливая жене чашку травяного чая.

Он приготовился к рассуждению о неправильных пищевых привычках своих родителей: у государственных служащих на пенсии денег было больше, чем они могли потратить. Они точно не спускали их на еду – как Анни регулярно жаловалась – и Марсель часто гадал, нет ли у отца тайной страсти к игре и не стала ли мать жертвой виртуальных мошенников. Но Анни молчала, а потом сказала:

– Гибель профессора Мута – это ужасно, но я не могу слишком печалиться по этому поводу. Для теолога это же очень плохо – сознаваться в таком?

– У теологов нет иммунитета к нечистым мыслям, – ответил муж, кладя на стол пачку печенья. – Плюс к тому доктор Мут был не самым обаятельным человеком в этом мире. С тобой и с Бернаром он поступил ужасно. Заставил ждать до последнего момента, а потом взял и передумал уйти в отставку. Тем более тебя все время дразнил обещанием этой должности. И с Бернаром наверняка обращался так же.

– В этом я не сомневаюсь. Вспомнить хотя бы то, как Бернар повел себя на приеме. Но ты же не думаешь…

Марсель удивленно посмотрел на жену:

– Анни, я вообще не могу себе представить, как человек может убить, и мне странно, что ты так могла подумать о Бернаре.

– Да, прости, ты прав. Скорее, это Роккиа.

– Анни!

Анни рассмеялась, взяла печенье, макнула его в чай.

– Я была так воодушевлена до вечера пятницы, уверенная, что этот пост за мной, и уже мысленно переехала в квартиру на площади Четырех дельфинов.

– Ну, – поморщился Марсель, – ребята целое лето развозили бы воду из фонтана по всему дому. Ты подумай, сколько пришлось бы убирать.

Анни засмеялась, потянулась через стол и поцеловала мужа.

Глава 10. Доктор Буве с удовольствием дразнит судью Верлака

В ресторане Верлак оказался поздно. Пришлось объехать все этажи подземной парковки, пока не нашлось место (очевидно, последнее свободное) только в самом низу. Потом нужно было бежать по лестнице гаража, выходившей на огромную площадь Оз-Юиль, потом еще по лестнице на улицу Сэнт, где как раз на правой стороне находился ресторан.

Открывать его дверь всегда было удовольствием – в тихую гавань из бурного марсельского порта и выплескивающихся на тротуар шумных баров, откуда в полный голос доносилась трансляция футбола.

Жак его увидел и подошел быстро – насколько позволяла трость.

– Monsier le juge![8 - Господин судья! (фр.)] – воскликнул он, медленно поднимая правую руку навстречу Верлаку.

– Мсье Жак! – поприветствовал Верлак.

Он знал фамилию этой пары, но всегда предпочитал называть их Жак и Жанна.

– Мсье Мадани уже за столиком с видом на старый порт.

Это была традиционна шутка Жака – у ресторана не было окон, выходящих на порт, но всю западную стену занимала фреска с изображением порта – там, где открывался бы на него вид, окажись в этой стене окна. Фреска была слишком яркой, перспектива полностью искаженной, но Верлаку она нравилась.

Он прошел туда, по дороге улыбнувшись двум молодым женщинам за столом.

– Я без ума от этого виски, – сказал Мадани, пожимая руку Верлаку.

– У Жака новая марка?

– «Брухлэддиш», – ответил Мадани. – Наверняка я зверски переврал название. Жак говорит, что марка новая, то есть старая, но винокурня закрылась, и производитель виски собрал достаточно денег, чтобы ее спасти. Чисто по любви, утверждает Жак.

Верлак понюхал золотистую жидкость.

– Айлей?

– Да, – подтвердил Жак, уже подошедший к их столу.

– Жак, вы не были в прошлой жизни шотландцем? – спросил Мадани, смеясь и через плечо Верлака глядя на десятки бутылок виски в баре.

– Думаю, что был, – ответил ресторатор с серьезностью, которой гости не ожидали. Жак смотрел в пространство, будто мысленно видел остров Айлей, потом закончил: – Жанна приготовила креветки на гриле с фаршированными артишоками – это будет entree[9 - Закуска (фр.).]. В качестве главного блюда – тушеное мясо, которое вы, господин судья, любите с пастой, насколько мне известно.

Верлак любил говяжье жаркое в исполнении Жанны – она его делала из мяса камаргских быков с добавлением апельсиновой цедры и томатов, которые летом закатывала в банки. Но провансальскую манеру добавлять в жаркое тесто он понять не мог.

– Звучит заманчиво, но я бы предпочел вместо пасты картошку.

Жак улыбнулся:

– Жанна сделала пасту.

– Тогда пусть будет паста. А начну я с того же виски, которое пьет мой киношный друг.

Жак махнул бармену, чтобы налил еще стакан, посмотрел на стол, сильнее опираясь на трость. Мадани с Верлаком переглянулись, и Верлак кивнул. Мадани понял намек и предложил:

– Жак, вы не хотели бы выпить с нами стаканчик виски?

Жак оглядел ресторан, полный довольными обедающими посетителями.

– Что ж, наверное, мог бы.

Он с неожиданной быстротой вытащил из-за соседнего стола стул и сел.

Верлак не успел сломать золотистую корочку на лавандовом крем-брюле, как зазвонил его телефон. Он ответил тут же, увидев, что звонит доктор Эмиль Буве, его коронер. Встав из-за стола, Верлак отошел в туалет.

– Простите, что беспокою в субботний вечер, но появились интересные новости.

– Говорите.

– Доктора Мута ударили по голове сбоку, как вам наверняка говорил комиссар.

– Да-да, – ответил Верлак, не скрывая нетерпения.

– Орудие было деревянным, – продолжил Буве, наслаждаясь эффектной паузой.

– Эмиль, говорите уже.

– Старого дерева.

– Старинное?

Буве улыбнулся, слыша в голосе судьи раздражение.

– Можете назвать его старинным. У меня есть друг в лаборатории, где занимаются датировкой таких вещей.

– И что ваш друг сказал? – Верлак тяжело дышал в телефон. Его удивило, что в Эксе есть специалист по датировке, хотя, быть может, он, как теперь многие, ездит из Парижа на скоростном поезде. – Вы мне скажете или нет, наконец? Что он говорит? Пятьдесят лет? Сто?

Буве засмеялся.

– Он говорит, – ответил он, тянув время и улыбаясь, глядя через стол на доктора Агнес Коэн. – Судя по щепке, извлеченной из волос убитого, семьсот лет.

Глава 11. Знакомьтесь: Флоранс Бонне

Они встретились у фонтана Четырех дельфинов.

– Интересное место для встречи, – заметил Полик.

Верлак улыбнулся и пожал ему руку.

– Я оставил машину в гараже. Раз дождя нет, по думал, что пешая прогулка прочистит мозги.

Бруно Полик кивнул, подумав, что Верлак, наверное, оставил в гараже свой темно-зеленый «Порше» шестьдесят третьего года по иным причинам: вчера комиссар видел, как студенты ходили вокруг, приставляли сложенные ладони к стеклам, чтобы заглянуть в салон, и восхищенно перешептывались.

– Я завез Лею в консерваторию на воскресную репетицию и перед зданием, что редкость, нашел свободное место, – сказал Полик, будто нужно было объяснять, почему он тоже уставился на фонтан шестнадцатого века, где четыре толстых

дельфина извергали воду из пастей.

– И как у нее сольфеджио? – спросил Верлак.

– Миг паники, снятый мятным мороженым с шоколадной крошкой, – засмеялся Полик.

Они двинулись в путь, обсуждая погоду, внезапный энтузиазм Полика-старшего по поводу Древнего Рима и банкомат, взорванный сегодня в пять утра, выдавший все деньги, что не сгорели при взрыве. Наступавшее временами молчание не было неловким, заметил Верлак. Он был рад, что есть напарник, с которым можно говорить об истории или музыке. Разговоры с парижскими коллегами шли обычно о ценах на недвижимость.

Через десять минут приятной прогулки они пришли к гуманитарному корпусу. Верлак оглядел серое здание, построенное где-то в тридцатых годах, требующее ремонта. Окна, видимо, не мыли годами, но на третьем этаже кто-то попытался оживить свой кабинет или аудиторию растениями в горшках, грубо прикрученными проволокой к ставням. Французские факультеты – в отличие от элитных и намного меньших grandes ecoles[10 - Высшие школы (фр.).], в которых учились Верлак и Марин, – открыты любому студенту, сдавшему бакалаврские экзамены за среднюю школу. Из-за этого студентов было больше, чем мест, а финансирование недостаточным. Но яркие анютины глазки над головой, цветущие вопреки своему окружению, напомнили Верлаку, что преимуществами этой бесплатной неэлитной системы пользовались многие студенты из низших слоев. Вдруг он почувствовал, что приятно быть французом – обычно это чувство появлялось в ресторанах и музеях, а не перед каким-нибудь факультетом.

Мимо Верлака и Полика проскочили двое молодых людей, один высокий и тощий, другой низенький и коренастый. Они попытались опередить друг друга в дверях, застряли, и им пришлось отступить, чтобы пропустить женщину-полицейскую с фигурой балерины, которую Верлак видел вчера. Она улыбнулась, увидев судью и комиссара, а парни поспешно вошли в здание – высокий протолкнул своего приятеля вперед и последовал за ним.

– Агент Казаль, доброе утро, – поздоровался Полик, пожимая женщине руку. Верлак и полицейская кивнули друг другу, и все трое вошли в корпус.

– Мы будем в комнате сто три, третья дверь направо, – сказала Казаль, улыбаясь им обоим, но задержав взгляд на Верлаке. – Все уже здесь, мы ждем только этих двух аспирантов.

Ближе к залу заседаний стали слышны голоса – то громкие, то шепотом, – но все они стихли при появлении слуг закона.

– Доброе утро, и спасибо всем, что пришли в субботу, – объявил Бруно Полик.

Собравшиеся – двадцать с чем-то человек, присутствовавшие на приеме у профессора Мута или же работавшие с покойным, – уставились на бывшего регбиста. Некоторые даже забыли доесть печенье. Верлак молчал, наслаждаясь впечатлением, которое производил двухметровый бритоголовый комиссар весом в девяносто килограммов.

– Мы начнем с общего разговора, а потом побеседуем с каждым в отдельности. Как вас информировала агент Казаль, вам придется сегодняшний день пробыть здесь, а если вы в ближайшую неделю планируете уезжать из Экса, будьте добры сообщить нам, куда, чтобы мы могли с вами связаться.

– Но у меня на этой неделе работа в Национальной библиотеке Парижа! – пожаловался хорошо одетый мужчина средних лет с выступающими скулами и густыми белокурыми волосами.

– Брось, Бернар, ты это в любое время можешь сделать! – произнесла одна из женщин.

Верлаку показалось, что внешность у нее итальянская или испанская. Как и ее коллега, она была одарена от природы густыми волосами, только совершенно черными.

– Но у меня билет на поезд!

– В Париж – это без проблем, только оставьте нам ваш телефон для связи, – тут же отреагировал Полик, пока его снова не перебили. – Почти все присутствующие здесь были на приеме профессора Мута вечером в пятницу. Дуайена убили в ночь на субботу, через несколько часов после приема. Мой

первый вопрос: кто уходил последним?

– Я, – ответила женщина с итальянской внешностью. – Я – Анни Леонетти. Преподаватель теологии. Я слышала, как Жорж – профессор Мут – говорил своей домоправительнице, что она может идти домой, а посуду мыть пусть приходит утром.

– И вы оставались допоздна, чтобы помочь дуайену?

– Нет. Я осталась помочь горничной. Отнесла в кухню грязные бокалы и убрала остатки.

– Хорошо, – сказал Полик. – О чем вы говорили с дуайеном?

– Наверняка о его внезапной отмене отставки. – Белокурый преподаватель сказал эту фразу спокойно. Но достаточно громко, чтобы ее услышали Верлак и Полик.

– Абсолютно не верно, Бернар, – заявила Леонетти и добавила, глядя на Полика, потом на Верлака: – Разговор шел только о сравнительных достоинствах пищевой пленки и алюминиевой фольги.

– Он вам говорил, что после уборки пойдет на факультет к себе в кабинет? – спросил Верлак.

Анни Леонетти замешкалась с ответом на долю секунды, и Верлак это отметил.

– Да, он об этом упоминал.

– Это не показалось вам необычным? С учетом позднего часа?

– Да нет, – пожала плечами она. – У него не было семьи, требующей времени, и он часто работал поздно. Но когда я уходила, после полуночи, он еще был в кухне. Мы ушли не вместе.

– Благодарю вас, – сказал Верлак.

Он подумал, откуда Анни Леонетти знает, что дуайен часто работал допоздна. И еще она с некоторым осуждением произнесла, что у него не было «семьи, требующей времени». Она была красива – оливковая кожа, полные красные губы, но под лучистыми карими глазами залегли круги. Он представлял себе жизнь современного профессора – печатайся или сдохни – и решил, что у нее наверняка есть маленькие дети.

– Значит, никто не видел, как профессор Мут уходил в ночь на субботу из своей квартиры? А не говорил ли он о том, что у него есть ночная работа? – поинтересовался Полик.

Собравшиеся молчали. Некоторые переглядывались, будто ожидали, что кто-нибудь что-нибудь скажет, другие не поднимали глаз от кофе.

– Он действительно мне говорил, что у него назначена встреча с Джузеппе Роккиа, но не уточнил, когда, – сказал красавец «Национальная библиотека». Совершенно не к месту, как подумал Верлак.

– Бернар! – снова одернула коллегу Анни Леонетти. – Эта встреча могла быть назначена в любое время.

– Судья спросил, о чем мы говорили. Кстати, меня зовут Бернар Родье. – Посмотрев на Анни Леонетти, он добавил: – Я тоже преподаю теологию, но в основном я – исследователь и писатель. – Леонетти вздохнула и подняла глаза к потолку. Родье продолжил: – Может быть, вы знакомы с моими книгами об ордене цистерианцев… они есть почти во всех лучших магазинах, даже на «Амазоне»…

– Спасибо, доктор Родье, – быстро перебил Верлак. – Нам дали список сотрудников, у которых есть ключи от здания, и мы, по очевидным причинам, именно с них и начнем нашу беседу.

Его раздражали стычки между Леонетти и Родье.

– Я буду вызывать вас по одному в кабинет напротив этого зала, – сказала агент Казаль. – В полдень вам принесут бутерброды, так что прошу не покидать здания до тех пор, пока с вами не побеседуют. Начнем в алфавитном порядке.

– C’est pas vrai![11 - Несправедливо! (фр.)] – простонала секретарша дуайена. – Я же пойду последней, у меня фамилия начинается на «З»! Но вам разве надо со мной говорить? Я даже не была на приеме.

– Исключений не будет, мадемуазель. У вас ведь есть ключ от здания? – уточнил Полик.

– Конечно, есть! – ответила она, упираясь руками в узкие бедра. – Но профессор Мут сам мог впустить своего убийцу!

Полик посмотрел на секретаршу с несколько недоверчивым выражением.

– Все же нам нужно с вами побеседовать. К шести мы закончим. – Секретарша вздохнула, и Полик добавил: – Вы можете работать у себя в кабинете наверху?

– Да, наверное.

Верлак подумал, что либо мадемуазель З. собиралась рано уйти, либо ее беспокоит перспектива допроса.

Он вышел из зала и направился через коридор в аудиторию напротив – тесное помещение для занятий маленьких групп. Стол здесь был металлический, шестидесятых годов. Через несколько лет он станет считаться старинным и будет продан антикварам в Шестом округе Парижа.

Полик вошел и сел напротив Верлака.

– Они правда друг друга терпеть не могут? – спросил он.

– Я о том же подумал, хотя выступали сейчас только трое.

В дверях показалась белокурая голова Казаль:

– Первый допрашиваемый идет, если вы готовы.

Верлак кивнул.

В дверях показалась женщина лет под семьдесят, в старомодных очках с металлической оправой. Она посмотрела на Полика, затем на Верлака.

– Здравствуйте, господин судья, – сказала она. – Поскольку мы встречаемся по официальному поводу, я не буду говорить о вашей привычке разбивать сердце моей дочери.

Антуан Верлак поверх очков для чтения взглянул на мадам Флоранс Бонне. Она улыбнулась.

– Кажется, я подозреваемая. В силу того простого факта, что у меня, преподавателя теологии, есть ключ от этого здания. Кроме того, я Жоржа Мута ненавидела, но до сей минуты никто об этом не знал.

Глава 12. Бедный старый Жорж

Присядьте, прошу вас, – сказал Верлак, указывая рукой на стул, но не отвечая на деланую улыбку мадам Бонне. – Это комиссар Бруно Полик.

Флоранс Бонне села на предложенный стул, поправила очки, глянув на Полика, будто чтобы лучше его видеть. Улыбнулась.

– Мы, факультет теологии, – команда пестрая, не правда ли?

Верлак скрыл улыбку, но мадам Бонне стала ему нравиться чуть больше.

– У нас действительно сложилось впечатление, что многие теологи не очень друг с другом ладят, – ответил он. – По крайней мере, из тех, что сейчас высказывались.

Мадам Бонне, не подтверждая намека судьи, продолжила свою речь:

– Это вина Жоржа Мута. – Судья и комиссар заинтересованно подались вперед. – Со своими преподавателями он играл как кошка с мышью. Меня он не трогал –

думаю, слегка побаивался. – На этой фразе она широко улыбнулась. – И Леонетти, и Родье испытали сильный стресс, – добавила она. – Жорж собирался уйти в отставку в конце учебного года, и Анни с Бернаром были готовы занять его пост. Но Жорж постоянно стравливал между собой преподавателей – например, пообещает профессорскую должность одному, а потом отдаст другому. Он даже с аспирантами так поступал, тряся у них перед носом стипендией Дюма, давая смутные намеки насчет того, кому она достанется.

– Стипендия Дюма настолько престижна? – спросил Полик.

Он не добавил вслух: «Настолько престижна, что ради нее стоит убить?»

Мадам Бонне приподняла брови, посмотрела сперва на Полика, потом на Верлака.

– Вы слышали о Большой римской премии?

Верлак кивнул, но ответил Полик:

– Та, которую дают художникам и архитекторам на обучение в Риме?

– Да. Стипендия Дюма почти столь же престижна. Денежная премия в пятьдесят тысяч евро, дающая возможность учиться, квартира в Эксе – прямо под апартаментами дуайена, оплата дорожных расходов, если тема исследования уводит в Иерусалим или в Дублин, и пункт в резюме, неоценимый никакими деньгами.

– Почти наверняка обеспечивающий хорошую работу в будущем, – добавил Верлак.

– Почти наверняка.

– И с каких пор существует эта стипендия? – поинтересовался Верлак.

– С тысяча девятьсот двадцать восьмого года, когда отец Жюль Дюма оставил нам все свое состояние.

– Объясните, как французский университет смог сохранить работающий факультет теологии после тысяча девятьсот пятого года?

Мадам Бонне пристально посмотрела на судью и дважды подумала перед ответом. Не потому, что она его не знала, а потому, что не услышала слова «пожалуйста».

– В тысяча девятьсот пятом году, как вам известно, было провозглашено отделение церкви от государства. По всей Франции закрывались теологические факультеты – кроме Эльзаса, потому что тогда это была Германия, и вот этого маленького факультета в Эксе – благодаря действиям умелого доктора Ролана Дюма, дяди Жюля. Желающие изучать теологию должны были это делать на историческом, а то и на юридическом факультете. К счастью, семья Дюма была неимоверно богата, а деньги и в тысяча девятьсот пятом году имели вес. Не помешало и то, что один дядя являлся кардиналом, а другой политиком. Факультету предоставили автономию при условии, что он докажет государству свою полную самофинансируемость. У семьи было достаточно денег и удачных инвестиций, чтобы это оказалось возможным. Факультет предоставлял стипендию с двадцать восьмого года с перерывом на оккупацию юга Франции с сорок второго по сорок пятый.

– И сколько это еще будет продолжаться? – спросил Верлак.

Флоранс Бонне пожала плечами.

– На все Божья воля… еще много лет, наверное…

Верлак перебил:

– То есть денег остается еще прилично?

– Достаточно, – ответила мадам Бонне и прокашлялась.

– Вы – казначей комиссии Дюма, – поднажал Полик, глядя в свои заметки.

– Да. У нас в конце недели будет совещание.

Верлак понимал, что Флоранс Бонне что-то скрывает, но хотел вернуть разговор к убитому Жоржу Муту.

– Вы сказали, что ненавидели дуайена, – напомнил он.

– Ну… «ненавидела» – пожалуй, слишком сильное слово. Он не справлялся со своей работой и, мне кажется, знал это. Поэтому не гнушался манипуляциями и лживыми обещаниями, и вот это я в нем не любила. Как ученого я его тоже высоко не ставила… он публиковался редко, был специалистом по Клюни, но когда туда ездил, мне кажется, его больше интересовала не работа, а бургундское вино. Но ненавидеть – нет, пожалуй, не ненавидела.

– У него должно быть много врагов, раз он так обращался с людьми, – заметил Верлак. – Но настолько ли он был невыносим, чтобы его за это убили?

При слове «убили» мадам Бонне напряглась. Разгладились морщины на идеально загорелом лице: родители Марин любили ходьбу и обожали солнце – в отличие от своей дочери.

– В припадке ярости? – предположила она. – Вы же полицейские, вы должны знать, способны ли люди на такое.

– В припадке ярости – бывает, – ответил Полик.

– Бернар Родье на приеме был в ярости, конечно, но до припадка далеко, – сообщила мадам Бонне.

– Расскажите подробнее об этом приеме, доктор Бонне, – попросил комиссар.

– Я не знаю, о чем говорили Жорж и Бернар, мне мешала музыка. Все слышали, как Жорж кричал Бернару: «И мое решение окончательно!» – а потом Бернар ушел, хлопнув дверью. Но каждому из нас случалось хлопнуть дверью после разговора с Жоржем Мутом, и мне тоже. Потом Жорж сделал заявление, что не собирается уходить в отставку ни сейчас, ни в ближайшее время. Видимо, это он и сказал Бернару, и вот почему, как мы все решили, Бернар хлопнул дверью. Но об этом лучше спросить самого доктора Родье.

– В котором часу вы ушли с приема? – спросил Верлак.

Мадам Бонне приподняла брови, удивленная тем, что от нее требуют алиби.

– Рано, сразу после Бернара. Я была дома в половине одиннадцатого, а мой муж – отец Марин, – добавила она, будто желая напомнить судье о его связи с семьей Бонне, – уже меня ждал. Мы выпили травяного чаю, почитали еще около часа, потом потушили свет и спали до восьми утра.

– Не кажется ли вам странным, что профессор Мут покинул свою квартиру так поздно, после приема, и через весь город пошел на работу?

Флоранс Бонне скрестила руки на груди, задумалась на миг, опустив глаза к кремовой юбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Она угостит тебя чаем и апельсинами, прибывшими прямо из Китая (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Добрый вечер (фр.).

3

Бедный Бернар (фр.).

4

Дерьмо! (фр.)

5

Большой город (фр.).

6

Боже мой (фр.).

7

Конечно (фр.).

8

Господин судья! (фр.)

9

Закуска (фр.).

10

Высшие школы (фр.).

11

Несправедливо! (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/longvort_meri-lu/ubiystvo-na-ulice-dyuma

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити